

Повесть
Рассказы

НОВОМОСКОВСК
2015

УДК 82-312.3 Барткевич С.
ББК 84(2Рос)

Барткевич, Сергей

С половником наперевес : повесть, рассказы / Сергей Барткевич. -
Новомосковск.: б.и., 2015. - с.66

В авторской редакции

Рисунки – свободный доступ в интернете

*Автор выражает благодарность
члену Союза писателей России А.В.Топчию
за помощь в работе над этой книгой*

С ПОЛОВНИКОМ НАПЕРЕВЕС

повесть

*Армия – хорошая школа.
Но лучше её пройти заочно
(солдатская мудрость)*

«Новобранцы идут на войну»

Двадцать седьмого сентября тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года вышел ежегодный приказ Министра обороны товарища Устинова о призыве на срочную службу в ряды Советской Армии. Для многих из нас остались считанные дни гражданской жизни, а значит, и свободы.

Вручена повестка и мне. Я новобранец.

Наступил последний день волюшки. Грустные и одновременно идиотски-весёлые проводы. Шумное застолье, водка льётся рекой; разудалая гармонь с пьяным гармонистом, – и, конечно, девчонка, размазывающая по лицу тушь вперемешку со слезами... Всё это было вчера.

А сегодня – призывной пункт. В руках у меня – военный билет. Шум, гвалт. Пьяные и не очень призывники, стриженные под «ноль» и лохматые, наскоро глотают «из горла» принесённую с собой или переданную тут же через форточку водку. Снующие взад и перёд «покупатели», заманивающие радужными перспективами.

– Киномеханики есть? Отлично! Номер команды?

– Тысяча двести сорок пятый.

– Выходи! Будешь крутить кино.

И тихонько добавляет: «...Белым медведям в Лапландии»...

Назвали номер и моей команды. Можно считать, мне повезло: место службы – Ленинградский военный округ. Ле-

нинградская область. Станция «Сертолово», танковая часть. Ну что ж: танкист, так танкист. Главное, рядом с домом...

В те времена, не столь отдалённые, нас старались воспитывать патриотами. В моём кругу, например, например, считалось, что парень, не служивший в армии – почти что и не парень вовсе. Таким образом, у меня никогда и в мыслях не было «откашивать» от службы. Я шёл в армию с охотой. Однако «охота» быстро закончилась.

Форма не по размеру, куча причиндалов, которые нужно к ней пришивать – а тут не знаешь, как иголку-то держать правильно. И нитки без конца путаются...

С первого дня мы слышали, что нам оказана великая честь служить в этой части.

– Это вам не какая-то там часть в запселем гарнизоне! Здесь в своё время нёс службу сам Министр обороны товарищ Устинов! Так что гордитесь – вы «устиновцы», и должны оправдывать оказанное вам доверие!

Что это за честь и доверие, мы скоро узнали на себе. И особой радости не испытали.

Как-то нам объявили, что скоро в части будет смотр, и нас посетит «Сам». А значит, надо навести марафет, и нужны таланты.

– Художники есть?

– Есть!

– Хорошо. Вот тебе банка с краской и кисточка. Будешь красить в зелёный цвет необлетевшие листья на деревьях.

Менее талантливым достались облезлые сапожные щётки и гуталин.

– Будете натирать асфальт, – чтоб был как новенький!

Тех же, кто никакими талантами не обладал, отправили на овощной склад – перебирать овощи. Я принадлежал к числу не блистающих талантами и, понятно, попал к «овощникам». Там, в овощехранилище, ковыряясь в куче прелой

картошки, я понял, почему то, чем нас кормили, имело такой нелицеприятный вид, вкус и запах; и почему наши желудки, привыкшие к домашней еде, упорно отказывались принимать то, что называлось «здоровой солдатской пищей». Хорошо, хоть на завтрак нам давали перловку с куском солёной селёдки, а то бы точно «ласты склеили» от такой кормёжки. Единственное, что нас обнадёживало – это то, что мы вроде бы танкисты, и, значит, скоро будем владеть самой могучей в мире техникой.

Но – увы! Нашим надеждам сбыться оказалось не суждено. Как-то после обеда нас, человек пятнадцать, собрали на плацу со всем нашим немудрёным имуществом, построили и отвели на железнодорожную станцию. Там перед нами выступили два военных чина. В овощехранилище, среди картошки и капусты, мы приобрели весьма смутные знания о различиях в армейских должностях и званиях. Единственное, что мы усвоили: чем больше звёздочек на погонах – тем чин важнее. У выступавших перед нами на погонах было по три звёздочки, расположенных в ряд. «Не иначе, как майоры», – решили мы.

Из речи «майоров» мы узнали, что нас направляют куда-то в другую учебку, где из нас будут готовить не просто солдат, а военных поваров. Нашему возмущению не было предела. Видевшие себя в мыслях танкистами, мы подняли возмущённый ропот:

– Не хотим поварами!

– Мы танкисты! Верните нас назад!..

...Уже в поезде изрядно подвыпившие «майоры» подробно нам объяснили:

– Нечего вам жаловаться на судьбу. Наоборот, радуйтесь – потому что через шесть месяцев вы будете армейской элитой, а не простой солдатской массой!

Короче, нас ждут и перемены, и неплохие перспективы. Так мне пришлось расстаться с мечтой о танке.

Перемены

Спустя сутки мы высадились на каком-то пустынном перроне. Как это часто бывает в северных широтах, внезапно наступила зима. Перрон был занесён снегом. На ветру скрипела ржавая облезлая жестяная вывеска с коротким, но звучным названием «Валдай».

Уже много позже я узнал, что Валдай – это небольшой провинциальный городок в Новгородской области, издавна славящийся литьём больших церковных колоколов и маленьких колокольчиков, издававших «малиновый звон». Тогда же мне это название ни о чём не сказало. Напротив, местность показалась мне унылой, забытой Богом и людьми.

На станции ждал тентованный «КамАЗ» – как потом выяснилось, единственное средство передвижения для нас и офицеров, служивших в ВШП – Военной школе поваров. Офицеров доставляли из Валдая до места службы за двадцать пять километров.

Из кузова «КамАЗа» мы обозревали неприглядный пейзаж. Сначала это были деревенские домишки и засыпанные снегом стога сена. Затем нас обступил со всех сторон лес. Да, это не Рио-де-Жанейро...

Нас, изрядно промёрзших в холодной машине, первым делом отвели в столовую, где от всего увиденного у большинства потекли слюни и заурчало в животах. На столах солдат гостеприимно ожидали гора нарезанного белого хлеба и здоровенная кастрюля макарон, обильно сдобренных тушёной. Для нас, оголодавших после рациона «устиновки», всё это изобилие показалось миражом. Два приехавших с нами чина заботливо советовали, чтобы мы не очень налега-

ли на еду, так как после скудного питания можем повредить себе желудки, – тем более, что впереди ещё ужин...

После обеда состоялось подробное знакомство с новым «местом жительства» и с нашими командирами (как выяснилось, мы слегка повысили их в звании при первом знакомстве: они оказались не майорами, а только прапорщиками, хоть и старшими).

– Товарищи курсанты! – провели они с нами ликбез. – Вы находитесь в Военной Школе Поваров, где мы, ваши отцы-командиры, будем готовить из вас специалистов самой необходимой в армии профессии. От того, как вы овладеете ею, будет зависеть ваша дальнейшая служба.

В ходе экскурсии по местам, которые должны были стать для нас родными, мы узнали, что находимся на территории, доставшейся нам от ракетчиков. После договора о сокращении вооружения находящиеся здесь ракетные установки были демонтированы, а пусковые шахты просто-напросто взорваны...

Наша часть влачила сонное существование. Посещение овощехранилища и разукрашивание листьев нам отныне не грозили, так же, как и строевая подготовка, не считавшаяся необходимой для нас, будущих поваров. Подъём, умывание и уборка (зарядку нам заменяла чистка снега) – вот и всё, на что нам приходилось тратить физические усилия. К восьми утра подъезжал «КамАЗ». Из него выгружались замёрзшие, с покрасневшими носами, «отцы-командиры»: три вечно поддатых прапорщика и два лейтенанта.

С их появлением течение нашей жизни ускорялось. В первый же день нам выдали офицерские сумки, кипу тетрадей, набор ручек и карандашей. Так наступили «школьные дни». Мы просиживали за партами, грызя гранит науки и вникая в таинства приготовления пищи – целыми днями с перерывами на обед. Иногда наша учёба прерывалась дове-

рительными беседами с преподавателями. Из этих бесед мы получали столь необходимые нам сведения о жизни поваров в армии. Так я узнал, что моё положение будет зависеть от состояния желудков командного состава, а также солдатских мисок и котелков. Мы, повара, будем находиться у кормушки, а в армии кормушка для солдата – это главное. Ибо важнейшая заповедь солдата гласит: «Поближе к кухне, подальше от начальства!»

Помимо учёбы, нашим едва ли не единственным развлечением был телевизор с обязательным ежевечерним просмотром программы «Время», а по воскресеньям – ещё и «Служу Советскому Союзу!» По субботам и воскресеньям, врубив телик сразу после подъёма, мы во все глаза пялились в экран, пуская слюни и вздыхая от неутолённого желания: на экране сексапильные девицы демонстрировали свои прелести, занимаясь аэробикой. А так как командир – тоже человек, то мы аэробику досматривали до конца. Только после этого начинали заниматься обыденными делами и – ждали похода в баню.

Баня в нашей жизни занимает важное место и оставляет массу впечатлений. А уж солдатская баня – зрелище ещё то! О ней нужно говорить в отдельной главе.

Баня

Банный день у нас был по субботам.

Вот мы, курсанты, нестройной толпой пробираемся сквозь сугробы по узкой тропе, протоптанной заранее и занесённой снегом за ночь, к невзрачному деревянному строению, держа в руках комплект белья и полкуска мыла. По дороге я вспоминаю баню в родном доме: добротную, горячую, пахнущую берёзовым веником. Плеснёшь на каменку – и к потолку поднимаются клубы ароматного пара...

Солдатская баня – это нечто особенное, то, чего нельзя понять. Это нужно прочувствовать. Отсыревшая дверь открывается с противным скрипом. Заиндевшие деревянные стены кое-где сочатся влагой и покрыты противной слизью. На бетонном полу лежит не успевший растаять ледок. По всему строению гуляют сквозняки. В углу громоздятся сваленные в кучу тазики. Обнажённое тело покрывается «гусиной кожей». Быстро хватаем тазики и устремляемся в душевую, где с пяти леек свисают сосульки. Вода, к нашей радости, тоже льётся – но почему-то то холодная, то горячая. И мы, соответственно, то мёрзнем, то шпаримся. Короче, удовольствие – ниже среднего. Пока мы моемся, бельё пропитывается сыростью. С чувством содрогания натягиваем отсыревшие шмотки на себя, мечтая о том, чтобы поскорее оказаться в тёплой и уютной казарме... Вот и помылись.

С лёгким паром, солдат!

Присяга

Приближался очень значимый для нас день: торжественного принятия присяги. И мы по мере возможностей и способностей готовились к этому дню. Разучивали текст присяги, – а поскольку мы были вроде как солдатами, нас даже вывели как-то на плац для занятий строевой подготовкой. Но после нескольких попыток создать из нашей толпы какое-то подобие строя и заставить этот строй пройти по плацу... в общем, на нас махнули рукой, назвав инвалидной командой. Предупредив при этом, что если мы так же пройдем во время торжественного марша, то всё своё свободное время будем валить окружающий нас лес:

– От сих пор и... до Валдая, короче. Так что старайтесь... Мать вашу...

Мы, конечно, постарались. Присяга прошла благопо-

лучно. На всех выдали один автомат, да и тот, как оказалось впоследствии (после того, как мы – в целях ознакомления с личным оружием – разобрали, а точнее, разломали его), без бойка. Мы даже умудрились создать подобие торжественного строя и пройти этим строем по плацу. Выпившие по случаю торжественного дня «отцы-командиры» пустили скупую умильную слезу.

После торжественного обеда нам выдали первую солдатскую зарплату, состоящую из семи рублей, и мы, предоставленные сами себе, стали ждать автолавку, приезжающую из Валдая. Кроме обычного солдатского набора (папирос, мыла, зубной пасты, печенья, консервов и закаменевших на морозе батончиков), в недрах автолавки покоились упаковки «лесной радости»: одеколора «Лесной» – жидкости зелёного цвета с резким запахом. Это был, однако, единственный вид горячительного напитка, доступного нам. И начался праздник уже для нас...

К вечеру казарма была пропитана перегаром и представляла собой нечто совершенно безобразное. Пьяные тени, спотыкаясь, шатались из угла в угол, кто-то ползал, кто-то смеялся и пел песни; где-то выясняли отношения, а кое-кто валялся возле койки, так и не добравшись до подушки. Словом, праздник удался на славу!

А на следующий день наступило возмездие. После уборки все окурки и флаконы от «Лесного» были тщательно нами собраны и распиханы по карманам, и нам устроили «похороны» – то есть не нам, а всему безобразию, устроенному нами. С оттопыренными от мусора карманами, пугаясь в длинных полах шинелей, по пояс в снегу мы вынуждены были пробираться в глубину леса, чтобы захоронить там все следы минувшего веселья...

...Контингент в учебке был многонациональный. Кроме

братьев-славян, были и жители Прибалтики, и сыны степей и, конечно, дети гор – куда уж без них. Здесь они сильно пополнили свой словарный запас, да и мы освоили много новых слов и выражений. Научились различать командиров по количеству и расположению звёздочек на погонах. Ну и, разумеется, за время учёбы мы приобрели кое-какой житейский опыт, освоили свою новую профессию (правда, пока лишь теоретически) и получили тем самым «путёвку в жизнь».

Начало пути

Опять стучат вагонные колёса. Учебка закончилась. Мы вновь в Питере, где на Московском вокзале нас ждут «покупатели» – офицеры различных армейских частей. Нас пять человек. Троих из нас «купили» в первый же день. Меня же и эстонца Марта никто не ждал. Снабжённые суточным пайком и зарплатой, мы скитались по вокзалу в поисках коменданта. При виде нас комендант сделал удивлённые глаза и сообщил:

– Я вообще-то не в курсе вашей дальнейшей судьбы, но постараюсь что-нибудь узнать. А вы пока погуляйте здесь.

Из нашего короткого разговора выяснив, что я питерский, он подобрел и снабдил нас «документами» – запиской, написанной на клочке бумаги с подписью коменданта и его личной печатью – для предъявления патрулю. С тем он и отпустил нас, предупредив настрого:

– Явка через три часа. Водку не пьянствовать, безобразия не нарушать.

...Ну, вот, я и дома, не прошло и года. После шестимесячной разлуки и жизни в глуши город казался мне необычным. Он встретил меня разноголосицей звуков и выглядел суетливым и шумным: оказалось, после сонного существования в учебке я уже успел отвыкнуть от такого количества

людей и машин.

Побродив по ближайшим к вокзалу окрестностям, мы вновь предстали перед комендантом. Увидев нас, он опять округлил глаза и всем своим видом выразил недоумение. Оказалось, он успел забыть про нас за это время. Уповая на нашу сознательность, комендант предложил нам занимать «спальные места» в зале ожидания, так как, судя по всему, нам придётся ночевать на вокзале. Мы, конечно, люди сознательные... Бросив вещички на скамейках в зале ожидания и попросив соседей покараулить, мы вновь отправились гулять. На этот раз решив посетить винный магазин. Взяв пару бутылок вина и к ним несколько плавленых сырков «Дружба», – а потом, посоветовавшись, прикупив ещё пива и кое-каких консервов, – мы принялись искать место, где бы прийтись. Долго искать не пришлось. Местечко было недалеко и для «пикника» подходило как нельзя лучше. Заросшее чахлой травой и скрытое от посторонних глаз, оно явно посещалось не только нами. Кто-то оборудовал его двумя перевёрнутыми ящиками, и на одном из них чья-то заботливая рука оставила пустой стакан и обломок ножа. Так что мы расположились со всем комфортом...

К вечеру мы снова явились пред светлые очи коменданта, дыша на него смесью ароматов пива и вина. Светлые очи мгновенно налились праведным гневом и полезли из орбит от возмущения:

– Мало того, что свалились мне на голову, ещё и налились где-то?! Так позорить звание солдата!..

Не давая его гневу набрать полную силу, мы быстро вытащили из карманов бутылку водки, пару банок консервов и поставили перед комендантом. Увидев такую роскошь, он сменил гнев на милость и благодушно отпустил меня и Марта ко мне домой переночевать, взяв с нас слово, что на следующий день мы будем стоять перед ним в пять

ноль-ноль в нормальном состоянии, – а он за это время наведёт-таки справки о нас.

Слово своё мы сдержали и на следующее утро, встретившись с комендантом, услышали:

– Ваше место службы – в районе станции Пери. Это недалеко, в двух часах езды. Так что добираться будете своим ходом. Словом, найдёте.

Вручив нам проездные документы, комендант с облегчением вздохнул: наконец-то он от нас избавился.

– Ну что? Двинули?

– Двинули!

Пери – в переводе с финского «Яма» – оказалось уютным сельским местечком, бывшей территорией Финляндии. Оно находилось в пятидесяти километрах от границы и было напичкано множеством воинских частей, не считая погранзаставы. Поблуждав по частям, мы наконец-то прибыли на место службы. Нам с Мартом предстояло служить в одной части – в бригаде ракетных войск. Но Марта ждало страшное разочарование: ему было уготовано... место свинаря на свинарнике!.. Мне же повезло: я попал в ракетные войска по своей специальности – поваром. Хотя везение – дело относительное, и кому повезло больше – вопрос сложный...

...Жизнь в бригаде кипела днём и ночью. Это на меня в первые дни произвело сильное впечатление. Однако мы, повара, в этой жизни почти не участвовали. Мы жили в своём мире, порой скрытом от остальных – среди котлов, сковород и прочей кухонной утвари. В бригаде – четыре дивизиона. В каждом дивизионе два-три повара, и только в моём полтора: «дембель», считавший дни до гражданки, и я, «молодой», ещё не обнаглевший. Наше дело – хорошо кормить солдат и офицеров, а что творится за стенами столовой – нас не касается. В казарму я прихожу только спать.

Касты и посвящение

Армия всегда была кастовой организацией. Причём эта кастовость имеет несколько этапов: «дúхи» – те же новобранцы; «молодые» – прослужившие полгода и имеющие чуть больше прав, чем «духи»; «черпаки» – отслужившие год и сполна вкусившие все прелести службы; наконец, «старики». О, это заслуженные и уважаемые люди! На них держится служба. Ну, а «дембеля» – тут всё ясно. Эти всем своим видом и отрешённостью от дел службы показывают: мы уже одной ногой на гражданке, и вся ваша суета нам по барабану.

Конечно же, в армии существуют и свои обряды.

Когда выходит очередной приказ о призыве – «духов» посвящают в разряд «молодых». Перед началом посвящения посреди казармы ставится табурет. При большом стечении народа «дух» взгромождается на эту «трибуну» и с неё, с обязательным вдохновением и радостной улыбкой, торжественно, с выражением зачитывает приказ Министра обороны о «демобилизации из рядов Вооружённых сил и о призыве в эти же ряды».

После торжественной части «духов» ставят буквой «зю», и «молодые», взяв в руки ремни, отвешивают шесть (по количеству месяцев службы) полновесных ударов по филейным частям «духов». Приняв положенное, «духи» переходят в разряд «молодых». И, в свою очередь, потихоньку, шёпотом, начинают покрикивать на новобранцев. Подходит очередь бывших «молодых». Получив свои двенадцать ударов по тем же филейным частям, а в столовой – съев свою пайку не ложкой, а черпаком из общего котла, «молодые» становятся «черпаками», получив при этом возможность руководить и воспитывать стоящих ниже рангом «духов» и «молодых».

«Старики»! Получив свои восемнадцать ударов, при-

чём пряжкой, но при этом через подушку, они приобретают всю власть и право вершить чужие судьбы.

Ну, и наконец, элита. Дембеля. Их в части меньшинство, но именно они – самая уважаемая часть населения. Дембель – почётное и вполне заслуженное звание. Посвящение в дембеля – целое шоу. Будущего дембеля нежно и аккуратно укладывают на койку. Его филейные части заботливо накрывают подушкой. «Духи» вновь зачитывают приказ. «Старики», торжественно взяв в руки и сложив в несколько раз суровую нитку, медленно и печально наносят ею двадцать четыре удара по подушке, каждый по очереди. Количество стариков, помноженное на двадцать четыре – это же целая математика! При этом все в ужасе закрывают глаза и размазывают кулаками «слёзы», не забывая при этом считать удары – чтобы по случайности не отвесить лишних. А про себя думают: «Тебя бы не ниткой через подушку, а ломом по хребту перетянуть за всё хорошее...»

...День кончился. Ночь. Тут бы поспать – но нет. Из-под кровати слышится пыхтение и гудение. То «молодые» под чутким руководством старших товарищей елозят по полу, при этом отчаянно библикая – «сдают вождение на права». Это – будущие водители «МАЗов». В дальнем углу казармы раздаётся «стук колёс и гудки паровоза» – «дембель едет домой». Я в этом не участвую, лишь наблюдаю. Начинаю потихоньку засыпать.

Только, казалось бы, закрыл глаза – будит дневальный. Пора вставать и отправляться на службу в столовую.

Здесь главные – мы, повара. Нас, «молодых», четверо, и нам почти всё приходится делать самим. Правда, при этом мы имеем негласное право «припахивать» кухонный наряд. Более старшие товарищи где советом, где пинком учат нас таинствам приготовления вкусной и здоровой пищи.

Дивизиону часто приходится выезжать на различные

учения. При этом всем выдаётся боевое оружие. Получил автомат и я. Но увидев, с каким опасением я взял его в руки и узнав, что прежде мне доводилось держать такую штуку – да и то со сточенным бойком – в руках всего раз, у меня его быстренько отобрали, заявив, что моё оружие – черпаки, ложки и поварёшки. И вообще мой долг на страже Родины – хорошо кормить защитников отечества. А железки и без меня есть кому таскать. Правда, солдат без оружия – не солдат, так что автомат у меня будет, но брать его в руки мне не стоит, разве что по необходимости, а то как бы чего не вышло...

Для меня наступил радостный день: мой «дембель» ушёл на гражданку. И я теперь в дивизионе – «царь и бог».

Это не шутка. Сытый солдат лучше воюет – а значит, от нас, поваров, во многом зависит боеспособность и мощь нашей армии, а следовательно, и всей державы.

Впереди же меня ждало главное испытание – полигон. Экзамен на прочность. От того, как я его сдам, зависит успех моей дальнейшей службы.

Манёвры

Дивизион готовился к учебным стрельбам. Предстоял выезд на ракетный полигон (вроде бы в район Казахстана), и я ждал этого со страхом и нетерпением одновременно.

Началось знакомство с личной боевой техникой, и вот я впервые тесно познакомился с монстром, в просторечии именуемым «БМП» – Боевая Машина Поваров. Вообще-то правильное название этого чуда технической мысли – полевая кухня. Их в моём хозяйстве две: пузатые, с большими трубами, ярко-зелёные, весело блестящие свежей краской. По идее, они должны работать на солярке, так как в них проектом предусмотрены форсунки. Но последние, как водится, давно спёрли, и кухни работают на дровах. А солярку просто

плескают консервной банкой в топку, чтобы дрова лучше горели.

Помимо двух «БМП», мне ещё выделили персональный транспорт. Это – бывшая самоходная бригадная радиостанция, переделанная для нужд поваров, так называемый «кунг», с моим личным водителем. Она снабжена газовой плитой с переносными газовыми баллонами, портативным холодильником и двумя длинными широкими лавками, которые служат одновременно кладовыми для продуктов, сиденьями и койками для меня и единственного моего начальника. Ещё здесь имеется печь-«буржуйка» для обогрева в холодное время, а также прицеп-«шалман» для хранения менее дефицитных продуктов.

И всё это хозяйство, от которого голова кругом идёт, находится в моём распоряжении и на моём попечении. Так что – и хлопотно, и ответственности хватает, и в то же время лестно. Что там какой-то автомат, пусть даже и настоящий, когда у меня во чего есть! Но я пока ещё и не представляю, сколько это добро доставит мне хлопот и неприятностей на первых порах, пока я не наберусь опыта и наглости...

Наконец наступил день отъезда. Погрузка закончена, гудок тепловоза – и мы покатали.

Две недели мелькали перед глазами пейзажи «могучей и необъятной». Две недели – тряска, стук колёс. И вот он, Капустин Яр. Оказалось, что это голая степь на много километров, покрытая сухим перекасти-полем и выжженными солнцем остатками растительности. Высоко в небе парят хищные пернатые.

Днём жизнь в степи замирает. Всё живое прячется, куда может, за исключением степных гадюк. Изредка появляются скорпионы и фаланги, а по вечерам, когда жара спадает, одолевает прочая степная нечисть вроде гнуса и других кровососущих.

Да, днём по-прежнему жарко, хотя стоит конец сентября, зато ночи сравнительно холодные.

Меня с моим беспокойным хозяйством оставили посреди степи, а сам дивизион укатил воевать. Итак, нас на «пяточке» всего несколько человек: я, водитель, кочегар для обслуживания кухонь и, конечно же – как в нашем деле без начальства? – прапорщик Бровин, мой непосредственный руководитель. Кроме того, нам был оставлен БТР с экипажем для охраны, а скорее всего – для солидности и придания значимости моей персоне. Ну и, естественно, медчасть, состоящая из одного медика – прапорщика Михайлова. Впоследствии он стал моим постоянным попутчиком на выездах и постепенно превратился в компаньона и собутыльника.

Итак, я очутился в совершенно новых для меня условиях. Всему пришлось учиться заново. Вот где я по-настоящему задумался о тяготах службы! Но мне повезло и тут. Бровин оказался заботливым учителем и хорошим шефом. Позже я узнал, что все повара, проходившие службу в дивизионе, на протяжении десяти лет приобретали опыт под его чутким руководством. Приобрёл «боевой опыт» и я. Хотя поначалу не обошлось без неприятностей и курьёзов.

Буквально в первый же день я оставил голодными офицеров – им почему-то не хватило обеда. Через несколько дней голодным остался взвод солдат. Тогда я узнал много новых выражений, отпущенных на мой счёт. А также понял, что не зря полевые кухни и поваров на полигонах отделяют от дивизиона – и порадовался этой предусмотрительности...

Почему я оставил голодными солдат и офицеров? Не сумел рассчитать количество порций и продуктов при готовке. Что ж, бывает. Я, по крайней мере, продукты не ныкаю. Пока не ныкаю...

Со всем старанием я начал постигать нелёгкое искусство приготовления вкусной и здоровой пищи. В теории всё

казалось просто, но на практике выяснилось, что это гораздо сложнее, да ещё и заумнее.

Бровин изготовил для меня длинный, обструганный со всех сторон шест – мерник, на котором на равном расстоянии друг от друга были нанесены зарубки. Каждая из них указывала уровень воды в котле для разных блюд, и с тех пор я больше не ошибался с количеством порций. Но качество было, увы, не на высоте. Еда получалась то жидкая, то густая, а то невкусная. Ну, с солдатами проще – они не такие привередливые, да и разнообразием солдатское меню небогато. С офицерами же всё обстояло сложнее, хотя они за свою военную карьеру ко всему привыкли. Благодаря стараниям и искусству армейских поваров, моих предшественников, многие офицеры обзавелись язвами, гастритами и прочими напастями... Последствия несварения офицерских желудков, понятное дело, грозили мне неприятностями.

...Я в первый раз варю офицерам обед. От страха у меня дрожат руки и ноги, но я очень стараюсь. Итак, всё готово, стол накрыт. Я дожидаясь, когда они поедят, и в мой адрес раздадутся хвалебные речи. Но... офицеры попробовали суп, отложили ложки и молчат.

Мне стало как-то тоскливо; на всякий случай я отошёл подальше и с горя закурил. Наконец замполит не выдержал, позвал меня и говорит:

– Ну-с, обед по виду съедобный. Но такой вопрос: а где же соль?

– В супе, – промямлил я.

– Найди её там!

А я до того растерялся, что вместо того, чтобы поставить на стол солонку, начал с глупым видом шарить половником в кастрюле. Получив затрещину от своего наставника, я, наконец, догадался подать соль и стал с ужасом ожидать, когда наступит очередь второго блюда... а впереди меня ждал

ещё и ужин.

Офицеров было много, и потому кормились они в два захода: обычно сначала – званием постарше, потом – все остальные. Глядя, с каким кислым видом они собирались запихнуть в себя то, что называлось обедом, я думал: «Ну, ничего. Уж на ужин-то я развернусь, покажу всё своё умение!»

На ужин было овощное рагу. На сей раз первыми пришли офицеры рангом помельче. Зачерпнули, значит, ложками содержимое своих мисок, отправили его в рот... и застыли, выпучив глаза. Воцарилась гробовая тишина.

– Я солил! – заорал я, выпадая в проём дверей. В ответ чьи-то руки протянули мне кастрюлю с рагу и ложку. Мужественно зачерпнув свою стряпню, я сунул ложку в рот... и тут же, отплёвываясь, схватил кастрюлю и помчался с ней к яме, куда сбрасывали отходы. Вслед мне раздался дружный хохот. Да, ужин я, действительно, солил – соль аж на зубах скрипела! На моё счастье, это были офицеры не из штаба. Штабным повезло больше, – на ужин они получили консервированный финский «ланч».

...На следующий день офицеры пришли на обед с обречённым видом быков, которых ведут на бойню.

– Ну, чем сегодня травить нас будешь?

– Макаронами с тушёной... – уныло ответил я. Теперь, приготовив обед, я старался «свалить» куда-нибудь подальше, оставив выкручиваться своего учителя.

Мне было обидно, когда офицеры, предварительно с подозрением обнюхав мою стряпню, молча ели и уходили, пробурчав что-нибудь на прощание. Ведь я так старался!

Как-то мой прапорщик (я его так и звал – «мой прапорщик») – приволок мне здоровенную книгу.

– Вот тебе! Изучай на досуге.

Это было пособие по кулинарии. Ночью, глотая слёзы, я при свете аккумуляторной лампы изучал книгу, добытую

для меня прапорщиком. А так как у меня было много свободного времени, я принялся экспериментировать с приготовлением пищи по книжным рецептам...

Наступил и на моей улице праздник. Как-то, когда от дивизиона приехали разносчики за ужином, у меня в первый раз попросили добавки! Для меня это было самой высокой похвалой. И если раньше я то и дело слышал: «Опять баланда!» – то теперь всё чаще раздавалось:

– А чего так мало?

Раньше солдаты, во главе с офицером приезжавшие за пайками, угрюмо ждали, пока я их обеспечу, – теперь же их лица прояснились, и они всё чаще стали совать мне сигареты и папиросы. Это была моя пусть маленькая, но победа!

Будни

Кончилась полигонная жизнь. Дивизион вернулся на базу – в казарму, а я – в столовую. Начальником столовой у нас был прапорщик Байрак – рьяный хохол и пренеприятнейший тип. Правда, в наши поварские дела он вмешивался редко, видимо, ввиду своей некомпетентности, – да к тому же среди нас ещё оставались «дембеля» и «старики», которых он побаивался, а по мы негласным законам находились под их защитой. Зато наряду доставалось на всю катушку.

Любимыми выражениями Байрака были «москали» и «сволочи». Но сей субъект являлся скорее исключением. В основном же со своими офицерами мы быстро находили общий язык. Начальник медслужбы дивизиона прапорщик Михайлов среди поваров пользовался особым уважением и благосклонностью. Когда была его очередь делать санитарную проверку в пищеблоке, мы ждали его с нетерпением. Он был добродушным и весёлым человеком. Никогда не придирался, что мы курим в процессе приготовления пищи и суём

«бычки» по всем щелям, а то и просто бросаем на пол – авось наряд уберёт. Чаще всего он общался со мной, – ведь он числился в моём дивизионе, и на выездах наши службы находились на одном «пяточке», – так что мы прекрасно знали друг друга. Ну и, естественно, после проверки он никогда не уходил от нас с пустыми руками. Да и не только он. Кроме того, у нас кормились и другие службы – за это нам, поварам, многое дозволялось.

Как я уже сказал, Михайлов был человеком с юмором. Особенно наглядно это проявлялось во время утренних проверок, на которых он обязан был присутствовать по долгу службы – следить за состоянием здоровья личного состава. Как-то я задержался в казарме и лицезрел процесс утреннего осмотра на предмет выявления заболевших и пострадавших от тягот службы.

Весь дивизион в составе двухсот человек, не считая тех, кто в наряде, построен вдоль казармы. Вдоль строя в белом халате идёт Михайлов. В руках у него трёхлитровая банка с таблетками, из кармана белого халата торчит резиновый шланг. С умным и деятельным видом прапорщик ласково спрашивает:

– Ну, и на что мы жалуемся? Что у нас сегодня болит?

Останавливается, к примеру, перед азиатами и заботливо интересуется у одного:

– У тебя что болит?

Азиаты в армии очень любят болеть, и тот, к кому он обращается, с готовностью отвечает:

– Ангина болит!

– Хорошо, – а у тебя, болезненный ты наш?

– Нога болит.

– Чудненько, вылечим. На, лечись.

И каждому даёт из банки таблетки – причём количество таблеток зависит от «тяжести» заболевания. Больных

набирается человек пять, и все почему-то южных национальностей. Он строит этих пятерых отдельно, достаёт из кармана резиновый шланг, сворачивает его пополам... и начинает «лечение».

– Шлангов лечат шлангом! – любил повторять он.

Но, как ни странно, после такого своеобразного лечения больные выздоравливали намного быстрее...

Может, в медицине Михайлов разбирался лишь чуть больше, чем я в ракетах, но простую перевязку он сделать мог, а главное – вреда от него не было. Ну, подумаешь, диагноз поставит неправильно, с кем не бывает? На то она и армия. Да и госпиталь в бригаде есть, а для полевых условий – и такой сойдёт...

Жизнь дивизиона я по-прежнему наблюдал из окон столовой, окончательно перебравшись сюда из казармы – поближе к кухне, подальше от начальства. Здесь, в столовой, есть комната отдыха поваров, которая превращена нами в спальню и, соответственно, созданы все условия для нашего достойного отдыха: стоят койки, перетащенные нами из казармы, есть тумбочки и магнитофон. Был даже телевизор, да жаль, сломался. Здесь мы проводим всё своё время, когда находимся на базе. Правда, на базе я бывал редко: месяца два, а остальное время проводил на полигонах.

Со временем я полюбил полигоны, втянулся и в службу, она даже стала мне нравиться. Хотя, конечно, жизнь на полигоне – не сахар, особенно зимой. Но именно зимой я сумел завоевать общее признание и уважение. Ведь если повар – единственный на весь дивизион, и при этом готовит еду не просто для того, чтобы кто-то мог набить себе желудок абы чем, но и чтобы при этом все оставались довольны, да ещё и добавки просили – это много значит. Ну, а завоевав уважение, я получил и относительную свободу. Мой «учи-

тель» совсем отошёл от руководства пищеблоком, и я постепенно взял это руководство в свои руки, а он из непосредственного моего командира превратился в просто компаньона. «Шеф», – стал обращаться к нему я, когда поблизости не было посторонних.

Что ж, всего, чего я хотел в армейской жизни, я добился, хотя это было нелегко. Всеобщее признание и уважение – что ещё нужно?

Оставалось «тащить службу», и я тащил, пользуясь своим положением, стараясь не зарываться, но понемногу наглея. Именно тогда, на зимнем полигоне, ко мне впервые обратились не по фамилии.

– Батя! Что сегодня на обед? – спросил замполит, усаживаясь с кучкой офицеров за обеденный стол.

– Щи с тушёнкой и макароны с консервированным говяжьим языком! – бодро ответил я. – А если подождёте пять минут, то вместо холодного компота – горячий кофе.

«Батя»... Это что-то новенькое! Но, как оказалось, новеньким это было только для меня. Солдаты уже давно между собой стали называть меня «Батей», а вслед за ними – и офицеры. Что ж, прозвище мне льстило. Отныне моя фамилия не произносилась – я стал «Батей».

Постепенно среди офицеров у меня появилось много доброжелателей, хотя я, конечно, понимал, что это доброжелательное отношение получил не за какие-то особо выдающиеся качества, а за умение кашеварить и за свободный доступ к продуктам, особенно консервам – тушёнке и прочим деликатесам. В армии тушёнка и курево – та же валюта...

Лопарёк

Пополнение – смех и слёзы! Неужели когда-то и я был таким? Сейчас даже как-то чудно...

– Батя! Вот тебе молодой – твоя будущая замена. Он ничего не умеет, но должен уметь, – сказал мне мой прапор.

– Что ж, научим. Пускай пока приглядывается, а заодно и кухни топить будет. А чего, тоже наука...

Раньше, когда у меня был опытный кочегар, я проблем не знал с кухнями. Всё у моего кочегара получалось легко и быстро, к его советам даже я прислушивался. Для того, чтобы я мог приготовить для солдат завтрак, ему приходилось вставать в пять утра. Когда кухни были растоплены, и вода в котлах закипала, он будил меня, чтобы я мог приняться за стряпню. Да и при кухнях он находился до полной раздачи пищи личному составу.

Мои «БМП», работающие на дровах, и летом-то капризничали, а зимой, когда дрова сырые, без солярки не фырчали вообще. Приходилось то и дело плескать солярку в топку. Зимой кочегару вставать надо в четыре часа утра. Это опытному. А тут...

Я осмотрел «пополнение». Ну и чудо природы! Маленький, лопоухий, форма висит мешком. Одно слово: Лопарёк! Да уж... Я ещё раз критически оглядел его со всех сторон и тяжело вздохнул. Учить надо, а тут ещё Шеф бросил меня на произвол судьбы: куда-то слинял. Ну что ж. Любая учёба начинается с беседы.

– Слушай сюда! – начал я авторитетным тоном. – Твоё дело – не такое уж сложное. Тебе всего-то надо следить за тем, чтобы всё время топились кухни, и постоянно была горячая вода. А также чтоб на вверенной нам территории всегда были чистота и порядок. И языком поменьше трепи обо всём, что увидишь. Ну и, естественно – чтобы офицерская посуда и кухни блестели, как у кота яйца, чтоб всегда были сухие дрова, и там, по мелочи... Понял? – подвёл я итог беседы.

– Понял! – с уверенностью ответил Лопарёк и тут же спросил: – А где я буду спать?

Вопрос был щепетильный. Дело в том, что прежний кочегар и мой водитель «снимали угол» у прапорщика Михайлова в вагончике медслужбы, который всегда находился рядом с нами. Но по каким-то неведомым мне причинам Михайлов лишил своих постояльцев коек и вообще грозил им страшными карами. Небось весь спирт у него повылакали...

С появлением Лопарька у меня началась весёлая жизнь. Весёлая, конечно, в кавычках. В первый же день во время заготовки дров он потерял топор. Кухни у него никак не хотели топиться, еда имела жуткий привкус и запах солярки. На меня посыпались неприятности... Пришлось учить Лопарька на собственном примере: самому вставать в пять утра, показывать ему, как растапливать кухни, ну и, конечно, всё остальное. Зачастую моё терпение лопалось, и тогда весь «пяточок» оглашался матом.

Но больше всего выводил меня из себя его вид: вечно чумазый, в висящих, как мешок, измызганных штанах, в прожжённом бушлате, насквозь пропахшем соляркой. На себя он её плескал, что ли? Мне уже не раз за него влетало. И если со своими обязанностями он постепенно начал справляться, то внешний вид его по-прежнему оставлял желать лучшего.

Получив очередной нагоняй, я взял и эту заботу на себя. Перво-наперво я заставил его отмыться и подарил ему форму, одну из своих запасок. Но это было ещё не всё.

Когда на обед пришли офицеры, я предварительно задобрил их спиртом (тоже из личных запасов), коим разбавил налитый им кофе. Также я подал к столу заныканную мной из офицерского пайка консервированную финскую колбасу и замылся, не зная, с чего начать «переговоры». Я тянул время, чего-то выжидая. И тут заговорил один из лейтенантов:

– Батя! У меня сегодня – день рождения, и мы хотим это дело малость отметить.

Что ж. Для меня такая просьба не новость. Офицеры –

тоже люди, и оказывать им помощь в проведении таких торжеств мне приходилось не раз, да и не без выгоды для себя.

– Ну, и в чём трудности? – спросил я.

– Спирт у нас есть, а вот закуска... сам понимаешь.

– Запросто! Но мне тоже кое-что нужно: хэбэ, валенки, бушлат и шапку.

– А тебе-то зачем? Ты вроде и так богат.

– Да не для меня! Для этого вот чуда, – заявил я, указывая на Лопарька.

– Мы постараемся, но... Ты понимаешь, отмечать день рождения на виду у всех – как-то не очень... Словом, можно нам рассчитывать на ваше гостеприимство?

– Нет проблем, – только вы уж и про нас с шефом не забудьте!..

Договорившись обо всём, мы расстались весьма довольные друг другом.

Проинструктировав Лопарька насчёт солдатского ужина, я направился в санчасть, где коротал время за стаканчиком спирта Шеф на пару с Пилюлькиным – так я называл Михайлова, когда его не было рядом. Иногда я принимал активное участие в их «междусобойчиках», и знающие об этом люди даже прозвали нас святой троицей.

Возбудив их сообщением о готовящемся торжестве, я договорился с Пилюлькиным о предоставлении для сего случая его вагончика. На это он охотно согласился, радостно потирая руки в предвкушении вечера.

Короче, на нашем «пяточке» развилась бурная деятельность. Возложив на Лопарька обязанности прислуги за всё, мы услали его наводить порядок в вагончике, в то время как Пилюлькин и Шеф отправились к нам на «поварскую территорию» отдохнуть от трудов и забот. Я же занялся приготовлением ужинов – простого и праздничного.

А за ужином командир дивизиона, хитро посматривая

на меня, сообщил:

– Батя! Приказом по бригаде ты назначаешься старшим поваром и получаешь сержантское звание.

Замполит поддакнул и добавил:

– С тебя причитается! Так что мы попозже ещё зайдём.

При этом весь штаб выжидающе уставился на меня.

Если честно, для меня это повышение не было новостью. Я о нём уже знал: мне о готовящемся приказе проболтался штабной писарь, по «секрету» за банку тушёнки. Итак, мой путь «через тернии к звёздам» завершён. Победа была окончательной, хотя и далась мне нелегко!

Самоволка

Обретя независимость, пользуясь тем, что с большинством офицеров я был дружен, и что на все мои «подвиги» закрывались глаза, я начал наглеть. Начались бесконечные нарушения дисциплины, а именно – самоволки. При этом я почти не скрывал их. Доходило до того, что, находясь на базе, я часто ездил домой. Гражданскую одежду, которой обзавёлся по случаю, я запросто хранил на квартире у Шефа.

Хотя всякий раз, когда я приходил к нему за ней, он по долгу службы ворчал:

– Смотри, доиграешься!.. – но тут же добавлял: – Привези мне нормальной водки и сигарет, а то в нашей дыре, которая называется Пери, хрен чего путного достанешь.

Иной раз и офицеры обращались ко мне:

– Батя! Ты когда рванёшь в Питер? Нам бы кое-чего купить надо...

Словом, у нас всё основывалось на полной взаимовыгоде. Доходило до смешного: переодевшись в гражданку, по пути на станцию и на самой станции в ожидании поезда я не раз сталкивался с бригадным патрулём или с офицерами из

дивизиона. При этом мы делали вид, что в упор не видим друг друга. А то и, кивнув друг другу, мирно расходились.

Естественно, все в дивизионе или знали, или догадывались о моих прогулках, но молчали. Таким образом, мой тыл был надёжно прикрыт как со стороны солдат, так и со стороны офицеров. Но всё хорошее когда-нибудь кончается.

Как всегда, в пятницу я зашёл к Шефу за своей «гражданкой», но не застал его дома. Мне бы вернуться назад – но нет. Я же упрямый. Так в форме и отправился на станцию, расслабившись от безнаказанности. Ждал поезда, забыв про патруль. И вот подошёл поезд, и патруль вышел прямо из него, столкнувшись со мной чуть ли не нос к носу. Да, на этот раз я, кажется, влип. В патруле были пограничники. От неожиданности они на мгновение опешили, что давало мне пусть маленький, но шанс. Я, отчаянно пыхтя в непривычно тяжёлой шинели, во всю прыть устремился в сторону леса, окружавшего станцию. Но пограничники были опытными ребятами. Они превосходно знали окрестности и гоняли меня по лесу, как стая гончих собак – зайца, до тех пор, пока я не застрял по уши в снегу. Я был загнан и пойман, оставалось только освежевать .

Награждённый патрулём парой тумачков, я оказался на гарнизонной гауптвахте. Начальником «губы» был старший прапорщик Ключ, с виду вежливый, но садист ещё тот. Я, мокрый с головы до ног, как мышь, предстал перед его очами. До этого я встречался с ним только в столовой, куда он изредка заходил по каким-то своим делам, но общаться с ним, нам, поварам не приходилось. Да к тому же он, как на беду, был неподкупен и «взяток» от нас не брал – считал всех поваров потенциальными ворами.

– А, Батя! – обрадовался он. – Ну, проходи, дорогой, не стесняйся. Причёска-то у тебя не по уставу, не по уставу. Волосики длинные, а сапожки-то! Сапожки – офицерские. Ну,

ничего. Переоденем, пострижём. Понял, голубь мой? Ась?

– Да... – обречённо выдавил я.

– Тогда вот тебе, для знакомства, так сказать...

И показывает мне два пальца – это у него была манера таким образом обозначать количество суток ареста.

Увидев композицию из двух пальцев рогулькой, я с облегчением вздохнул и радостно воскликнул:

– Есть двое суток ареста!

С ехидной улыбкой Клют меня огорошил:

– Римское «пять». Это тебе для начала. Вон и свитерок торчит из гимнастёрки, да и ремень кожаный – опять не по уставу. Сам понимаешь, полное нарушение формы одежды. Тянет ещё на трое суток. Это пока, а там посмотрим.

– Есть восемь суток... – упавшим голосом сказал я.

– Ну и замечательно. Значит, договорились. Иди, дружок, отдыхай.

Весь мокрый и дрожащий от сырости, я вошёл в отведённую мне камеру. К моему удовольствию, в ней оказалось тепло, и толстая труба, игравшая роль батареи, была горячей.

Я был единственным постояльцем, и, как только за моей спиной захлопнулась дверь, галопом устремился к батарее. Первым делом развесил на ней мокрые шерстяные носки и гимнастёрку. Сапоги, ремень и шинель у меня изъяли ранее, на собеседовании с Клютом. Балдея от тепла, я начал предаваться размышлениям по поводу своего будущего. Увы, картина будущего выглядела мрачно и бодрости не вселяла. Перебрав все свои грехи, я пришёл к выводу, что воли мне не видать аж до дембеля. Оставалось выяснить возможности, которые могут мне облегчить нынешнюю жизнь.

«Ладно, охрану «губы» несёт наша бригада, а значит, едой и куревом я буду обеспечен – свои же повара не дадут опухнуть с голодухи».

Больше всего меня беспокоила судьба сапог. Офицер-

ские, доставшиеся мне в обмен на пять банок тушёнки и флягу спирта, они были мне дороги – ибо, в отличие от солдатских, были не из кирзы, а из мягкой кожи, легче и удобней.

Итак, я сидел, задрав ноги на горячую трубу, и оплакивал свою судьбу. Спустя какое-то время дверь камеры открылась, и передо мной предстал сам командир дивизиона – майор Захаров. Критически осмотрев меня с головы до ног, он произнёс всего лишь одну фразу:

– М-да... Ну и видок!

И молча вышел, вселив в меня надежду на спасение. Через некоторое время дверь снова открылась. На сей раз меня посетил Клют. Вид у него был обиженный, как у ребёнка, которого лишили сладкого.

– Тебе крупно повезло, – заявил он, – ты свободен. Но я с тобой не прощаюсь. Надеюсь, ещё увидимся. А сейчас – на выход!

Удивившись такому повороту событий и схватив свои вещи в охапку, я устремился на волю, где меня ждал командирский «газик».

– Ну что, Батя, доигрался? – встретил меня вопросом майор. – Сколько тебе Клют дал?

– Восемь суток.

– Маловато будет. Добавляю тебе ещё тридцать. Отсидишь после учений.

Теперь мне стала понятна причина неожиданного освобождения...

Всё-таки хорошая вещь – «война», когда она учебная и вовремя! Я старший повар бригады, а это не хухры-мухры, – своего рода неприкосновенность, как у депутата!

«Война»

Ночь. Внезапно в казарме зажигается свет и раздаётся

воплъ:

– Дивизион! Подъём! Тревога!

Спросонок ноги не попадают в сапоги, не застёгивается гимнастёрка. Куда-то задевался противогаз, не находится комплект химзащиты, давно обмененный дембелями на самогон у местных аборигенов... Ревут, чихают и кашляют двигатели боевой техники.

Понемногу суета утихает; очумевшие, мы вываливаемся из казармы и устремляемся, кто галопом, кто не спеша, по своим местам согласно боевому штатному расписанию.

Я не тороплюсь: за время службы уже привык к таким неожиданностям и прекрасно знаю, что между тревогой и самой «войной» времени достаточно, чтобы успеть позаботиться о себе.

В конце концов, у меня есть замена – Лопарёк. А моё дело – проследить, как он справляется с обязанностями.

Он, бедняга, пересчитывает тарелки, ложки, вилки и прочее. Я проверяю количество продуктов по ведомости, хотя это формальность: потом, как всегда, выяснится, что чего-то потеряли, а чего-то стащили... Занявшись сортировкой особо дефицитных консервов, усылаю Лопарька проверить «БМП» и прочее.

Ну ладно. С казённым имуществом покончено, пора подумать и о себе.

Через заветную дыру в заборе покидаю часть и спешу в посёлок. Вымениваю у местных жителей на личные запасы несколько бутылок самогонки и рыболовные снасти – в хозяйстве пригодятся. Затем посещаю санчасть – затариваюсь спиртом. Готовлюсь к «боям» тщательно. Засовываю в шкаф «мечту оккупанта» – чемодан с «гражданкой» и с подарками родным и близким. Любовно вешаю «парадку», в которой я так и не покрасуюсь. Её придётся сдать. Домой отправлюсь в «гражданке». А жаль! Больно красиво мне отделала парад-

ную одежду знакомая телефонистка с узла связи. Вот, кажется, и всё. Подготовка к боевым действиям окончена.

С суетой и гамом, под зычные команды и мат офицеров грузимся в вагоны-теплушки. Судя по их виду, раньше в них перевозили рогатый скот... Начинаем обустраиваться.

Утром просыпаемся под мерный стук колёс. Вроде движемся, но куда?

Целую неделю за вагонным проёмом сменяются унылые пейзажи. Заняться абсолютно нечем. Тоска...

Прибываем на место, начинается выгрузка. Дивизион своим ходом движется к месту «боевых действий», а мы с Шефом после пыльного вагона наконец-то оказываемся в родной машине. Снова куда-то едем... Ну и пусть. Куда-нибудь, да приедем.

Можно расслабиться. Решаем – с чего начать: со спирта или с самогонки? На «огонёк» вползает Пилюлькин. У него на это дело нюх. Значит, будем пить спирт: Пилюлькин его хлещет, как воду, а уж самогон-то ему, как слону клизма.

...Всё! Выпадаю в осадок...

Утром открываю глаза, вылезая наружу и не могу понять, куда попал. Пожелтевший, по-осеннему унылый лес. Моросит нудный дождь. Состояние – бр-р-р. С похмелья трещит голова. Мутным взглядом натываюсь на воткнутую в землю табличку: «Мины».

Бужу водилу и отцов-командиров. Все вместе обзреваем окрестности и задаём друг другу бессмысленный для нашего состояния вопрос:

– Куда это нас занесло?

Где-то слышится урчание моторов, значит, всё не так страшно – найдут. В конце концов решаем выбирать своим ходом. Но сначала надо поправить здоровье.

Голова раскалывается. Всё, больше не пью! Пока...

Завариваю себе крепкий кофе из офицерских запасов. «Отцы» опохмеляются спиртом. Появляется БТР охраны. Ура! Нас нашли. Ой, что сейчас будет! Жуть...

Из БТРа вылезает замполит и обрушивает в наш адрес всё, что он думает о нас и нашей «войне». Чтобы как-то разрядить обстановку, наливаю кофе (предварительно разбавив спиртом) и ему, а на «десерт» достаю банку сгущённого молока. Выясняется, что мы находимся в шести километрах от места нашей дислокации, и скоро кормить личный состав, а мы... Ну, с солдатами проще, им можно выдать сухой паёк, а вот офицеры, штаб... Кроме того, как выясняется, у нас будут столоваться прихлебатели из других частей, взаимодействующих с нами.

На мне лежит кормёжка комсостава, а Лопарёк кормит солдат.

Ну, дела. Всё валится из рук. Я сильно «торможу» и кашеварить не в состоянии. Выручает опыт. Быстро вскрываю консервные банки – всё, что под руку попадает. Вытряхиваю всё это на сковородку и сдабриваю томатной пастой. Обед готов. Всё встало на свои привычные места. И солдаты, и офицеры накормлены.

Последние дни службы тянутся медленно. Дел у меня мало. Потихоньку Лопарёк берётся и за стряпню офицерам, полностью освобождая меня от служебных забот. Я предаюсь философским размышлениям и шатанию по окрестностям.

Как-то в одно из своих «философских» шатаний я набрёл на красивое лесное озеро. Поначалу, сидя на берегу, я просто мечтал о возвращении на «гражданку». Ведь я – дембель, и мне остались считанные дни службы! А затем я, с разрешения замполита, стал ходить на это озеро на рыбалку и, ко всеобщему удовольствию, частенько разнообразил меню свежей рыбой.

Дембеля

Итак, известна заветная дата! Всё чаще заглядываю в свои дембельские вещички: парадка, с любовью отделанная, но с которой придётся расстаться; дембельский альбом, который, увы, никто, кроме меня, не увидит – оставляю его на память Лопарьку.

Надо потихоньку сдавать дела: вычистить автомат, который я держал в руках всего раза три за всё службу (и который я куда-то засунул. Так же, как и штык-нож, коим я иной раз вскрывал банки на закуску и колол щепку для растопки печки. Надо искать, имущество-то казённое...) Штык-нож, как выяснилось, вещь полезная. А вот зачем повару автомат? Ну да ладно, автомат – не иголка, найдётся.

Сейчас меня волнуют вещи более насущные. Веду учёт продуктов, надо готовиться к отвалной. Нас, дембелей, девять человек, не считая трёх офицеров, которые пришли служить в бригаду вместе со мной. Только я пришёл после учебки, а они – после института и, в отличие от меня, уходят домой лейтенантами. Вот и вся разница. Ребята они неплохие, не скурвились на офицерской должности.

По вечерам, когда «бои» затихают, ужин роздан, штабные накормлены, и наш «пяточок» пустеет, к нам на огонёк, минуя охрану, пробираются дембеля. Раскладываем скромную закуску, разливаем по кружкам спирт и предаёмся воспоминаниям и мечтам. Да, всего несколько дней – и долгожданная «гражданка»! Свобода!

Ждём последнего дня. Мысленно сервирую стол. Закуски вполне хватит, а вот спиртного – маловато. Лазарет уже «сухой», офицерские запасы давно выпиты и забыты. Правда, есть надежда. По вечерам к нам за отходами с кухни приезжает на «Запорожце» какой-то мужик. Пытаемся договориться с ним. Ему нужен аккумулятор. Идём в автобат. Туда

как раз поступили новые «МАЗы». Столковываемся насчёт обмена. На следующий вечер тащим им ящик тушёнки и несколько банок сгущёнки, получаем взамен новый аккумулятор, заодно прихватываем запаску. Нагруженные, как верблюды (один аккумулятор весит семьдесят пять кг), спотыкаясь в темноте и переругиваясь, тащимся на «пяточок». Там прячем всё это барахло по кустам и ждём мужика.

Клиент появляется через день. Выволакиваем из его тачки пятилитровую канистру с самогоном и трёхлитровую банку с брагой, помогаем ему впихнуть аккумулятор в багажник. Проклятый аккумулятор слишком громоздок и в маленький багажник влезать упрямо не хочет. Но кое-как запихиваем туда и его, и даже запаску. Мужик от радости сам не свой. Ещё бы, новенький аккумулятор! Но вот интересно, что он будет делать с коробкой передач, которую ему всучивает Лопарёк? И где только взял, стервец? М-да, растёт смена...

Наконец все довольны. Приготовления завершены. Мне остаётся только найти автомат. И он находится – за мешками с сухарями в нашем «шалмане». Как он там оказался? Не помню.

Ну, вот и всё. Сегодня отвальная. Завтра домой.

Поздно вечером собираемся у меня на кухне. На столе расставляем выпивку и закуску, которую даже офицеры в глаза не видели, хотя эти деликатесы – из их пайка. Просто они вовремя мной заныканы. Мы, дембеля, в парадках, надетых ради такого случая. Поднимаем кружки со спиртным, чокаемся.

Под всяческими предложениями к нашему столу сползаются офицеры. Поначалу пытаются навести дисциплину, но после стакана становятся простыми ребятами, вместе с нами тянущими нелёгкую армейскую лямку. Мы уходим, а им служить. От разнообразия закуски у них разбегаются глаза. Я их понимаю. В их глазах – надежда, что всё, поедаемое ими в

этот момент, после моего отъезда они будут получать согласно довольствию. Хотя бы время от времени.

Что ж. Надежда – вещь хорошая. Надеемся, господа офицеры. Только помните: я уйду, но на моё место придёт другой! А смену я приготовил достойную. Вон Лопарёк, вкусив от дембельского стола, сопит, уткнувшись в тарелку с рыбными консервами. Он воспитан в лучших традициях армейских поваров. Умаялся, бедняга.

Спи, Лопарёк. Тебе ещё варить и варить кашу кубометрами...

Дембельское утро. В последний раз обхожу уже не мои владения. Дымят походные кухни. Возле них суетится Лопарёк, отныне полновластный хозяин. Торжественное построение. Сданы парадки. Мы, переодевшись в гражданскую одежду, чувствуем себя непривычно. Подходит штабной автобус, который доставит нас до ближайшей станции, «Луга-Товарная». Остался последний марш-бросок.

Эпилог

Всё закончилось. Два года службы позади. На меня одновременно наваливаются и радость, и грусть. Здесь остаются мои друзья, привычная солдатская жизнь. Здесь я – Батя, уважаемый человек. А на гражданке? Затерянный в многоликой толпе паренёк.. Всё-таки за два года отстаёшь от жизни. И всё упущенное придётся наверстывать...

Ничего. Наверстаем.

АМАЗОНКА

(невыводимый рассказ)

Наверное, каждый из нас хранит какие-то предметы, связанные с детством. Кто-то, может быть, бережёт любимую игрушку, книгу, которую мама читала ему на ночь, а кто-то – марки или альбом с детскими фотографиями. В моём архиве есть одна старая фотокартонка; с ней связано самое, пожалуй, яркое воспоминание моего отрочества.

Память – странная штука. Есть вещи, которые промелькнут эпизодом, но помнишь их потом всю жизнь – в особенности первую любовь. Прошло больше двадцати лет, а кажется, что это было совсем недавно...

Однажды летом мы, мальчишки, по обыкновению гоняли мяч в узеньком переулке возле моего дома. И вдруг наши азартные крики внезапно пререзал оглушительный треск мотоцикла. Огненно-красный «Чезет» ворвался на наше импровизированное футбольное поле и, сделав «свечу», с визгом остановился. Мы возмущённо завопили, но наглый мотоциклист продолжал гордо восседать за рулём, уперев ноги в землю. Сквозь затемнённое стекло шлема лица его не было видно. «Стиляга», – подумал я, глядя на узкие джинсы и чёрную кожаную куртку неожиданного гостя. В конце семидесятых такой наряд был редкостью. Тогда в моде были брюки клёш – чем шире клёш, тем модней, – и рубашки «апаш», завязанные узлом на животе.

Стиляга снял шлем, и я застыл с открытым ртом. Освобождённые от шлема, по плечам золотым дождём рассыпались длинные волосы. Девчонка! – понял я потрясённо. Девчонка, которая бесстрашно и лихо гоняет на мотоцикле, как новая амазонка!

Оказалось, что она искала наш дом, а конкретно – мою

старшую сестру Наташку. Проглотив удивление и отчаянно робея, я проводил амазонку до двери, объяснив, что у нас во дворе – злая собака.

В нашем доме девчонка пробыла недолго. От сестры я узнал её имя – Маринка, и то, что они познакомились и подружились совсем недавно. С тех пор Маринка часто стала приезжать к нам, и я с нетерпением ждал её визитов...

Скоро я понял, что пропал. Она стала сниться мне по ночам – я, четырнадцатилетний пацан, влюбился в девушку восемнадцати лет... Она приезжала к Наташке, а я просиживал на улице возле её мотоцикла и не мог дождаться, когда же она выйдет, чтобы я хоть несколько секунд мог полюбоваться ею: её точёной фигурой, роскошным дождём светлых волос, той бесшабашной лёгкостью, с которой она вскакивала на своего огненного «коня»...

Догадывалась ли она о моих чувствах? Не знаю. Сам заговорить с нею я не смел. Но наверное, она догадывалась. Женское сердце не обманешь; к тому же скоро я, не выдержав, признался во всём Наташке. Нет, она не посмеялась надо мной, но посочувствовала. Что общего могло быть у подростка, почти мальчишки – и совсем взрослой девушки?

Не знаю, была ли в этом помощь сестры или нет, но однажды моя любимая амазонка предложила прокатить меня на своём «Чезете». Я чуть дара речи не лишился от радости. И несколько минут спустя мы уже летели по шоссе, едва касаясь колёсами асфальта, я крепко обнимал за талию девушку своей мечты, задыхаясь не то от ветра, не то от счастья, и представлял, как мне сейчас, наверное, завидуют мои сверстники...

Было и ещё одно событие (хотя, наверно, событием оно являлось только для меня) – когда моя сестра и Маринка позвали меня вместе с ними купаться на озеро. Но, поскольку

девчонки ехали вдвоём на Маринкином «Чезете», мне предстояло отправиться в путь на моём мопеде «Верховина», который выжимал сорок километров в час, чем я в своё время страшно гордился. Мы тронулись с места и, конечно, я очень скоро отстал – что такое сорок километров в час против той скорости, на которой носилась моя амазонка? Да ещё по дороге у меня, как назло, заглох мотор. Так это купание и не состоялось...

Год в угаре коротких встреч с Маринкой пролетел быстро. Я окончил школу и уехал в другой город, поступил в училище. Дома теперь бывал только наездами. Но, уезжая, я стащил у Наташки и увёз с собой фотографию Маринки.

А потом жизнь закрутила нас, разметала. Разные города, разные судьбы... Я женился, были свои заботы и проблемы, но и среди них забыть эту девушку я не мог.

Прошло около двадцати лет, и сестра рассказала мне, как сложилась Маринкина судьба.

Вскоре после того, как я поступил в училище, Маринка познакомилась с молодым человеком по имени Александр и полюбила его. Он отслужил в армии и повоевал в Афганистане, который прошёл, не получив ни одной царапины. Дело шло к свадьбе. Но тут случилось несчастье.

В тот роковой день Александр возвращался домой на электричке. Вышел в тамбур покурить и нарвался на группу хулиганов... Утром его нашли возле железнодорожного полотна – истекающего кровью, без сознания. Ног у Александра не было...

Месяц врачи боролись за его жизнь. Он полгода пролежал в Первом Медицинском институте, перенёс несколько операций. Временами казалось, что он не выживет. И всё это время Маринка находилась возле него; чтобы постоянно быть рядом с любимым – уволилась с работы. Но свекровь

за что-то невзлюбила девушку и внушала сыну – мол, зачем она тебе? Оставь её, она всё равно тебя бросит! На кой ты ей сдался без обеих ног?

Но они оба вынесли этот кошмар. Бог знает, чего им это стоило. Александр выписался из клиники в инвалидной коляске, и через несколько месяцев состоялась их свадьба с Маринкой.

В один из моих недавних приездов домой я вновь увидел её, а рядом с ней и её мужа, сызнова научившегося ходить – на протезах. С Маринкой и Александром было двое детей примерно того же возраста, что и я, когда впервые увидел их мать. Это была наша последняя встреча.

Маринка научила меня бороться и никогда не сдаваться. Благодаря ей я понял, что настоящая любовь всегда побеждает. И я никогда не забуду её – прекрасную амазонку моего детства, девушку, у которой были золотые волосы и золотое сердце.

ВИНТ

Подходит к концу короткий отпуск. Ну и отлично. Надел он мне до чёртиков. Кабаки все облазил, знакомых девочек посетил. Время провёл неплохо, дела все свои вроде закончил. На берегу мне делать больше нечего.

Впрочем, нет. Одну вещь я так и не сделал. Не успел жениться – как всегда, мне не хватило времени и силы воли. Ну, ничего. В следующий раз точно женюсь. Может быть. Всякий раз я обещаю это себе и подругам, и всякий раз меня что-то останавливает. Наверное, всё-таки ещё не созрел.

Ладно, пора вставать и идти выгуливать Винта. Винт – это не металлическая штука, которую загоняют в отверстие какого-нибудь предмета, и не то, что торчит из задней части судна ниже ватерлинии. Винт – это такая собака. Не порода, конечно, а кличка. Его я приобрёл несколько дней назад.

...Возвращаюсь я как-то из одного культурного заведения. Меня слегка штормит, но курс я держу строго, ориентируюсь по тому, что находится у меня под ногами. И упираюсь в какую-то фигуру.

– Слушай, парень, возьми щенка, – хриплым голосом говорит фигура.

– Щенка? – тупо переспрашиваю я. – Зачем?

– Да возьми, недорого, – уговаривает меня фигура, постепенно уплотняясь перед моим расплывающимся взором в субтильного небритого мужика. – За пузырь отдам.

– А-а... что за порода? – неведомо зачем интересуюсь я, глядя на грязно-пегий комок, копошащийся у мужика за пазухой.

– Порода? М-мм... В общем, болонка... вроде как. Возьми, а? – тоскливо просит меня навязчивый встречный. – Выручи, будь другом. А то трубы горят...

И не то спьяну, не то пожалев мужика, я согласился.

Так у меня появился нахлебник, который сразу же создал мне массу проблем. Самой насущной оказалась кормёжка.

Да уж... Об этом я как-то не подумал.

...Порывшись в холодильнике, я нашёл кусок сыра, банку шпрот и подзасохший батон. Вот и хорошо. Ужин на двоих обеспечен.

Но – увы, куска сыра щенку оказалось маловато. Быстро его схарчив, он выжидающе уставился на меня.

– Во проглот, – сказал я, с тоской глядя, как в пасти проглота исчезают шпроты и остаток батона, мой несостоявшийся ужин. – Ладно. Раз поужинали – давай в койку, – я поймал себя на том, что разговариваю со щенком, как с человеком. – Однако, как же тебя назвать? Проглот? Да ну, нет... Винт? А что? Деталь нужная... Решено. Будешь Винтом. Коротко и звучно.

С чувством выполненного долга я растянулся на кровати. Немного погодя, вскарабкавшись на постель и потоптавшись по мне, сбоку устроился Винт. Сквозь сон я слышал его сопенье, радостное урчанье и аппетитное чавканье.

Пробуждение было невесёлым. С похмелья болела голова. К тому же, свесив ноги с кровати, я первым делом вляпался в лужу, оставленную Винтом. Сам Винт, свернувшись клубком, спал на моей джинсовой рубашке, стянутой на пол со стула. Тут же выяснилась и причина ночного чавканья и урчанья Винта: мой носок, изрядно пожёванный, валялся рядом. Матерясь, я отправился за тряпкой. Пока вытирал лужу, злость прошла. Да и как можно злиться на этот лохматый половичок, уютно устроившийся на моей рубашке и посматривающий на меня сквозь лохмушки шерсти, свисающие со лба?

Наскоро выпив кружку кофе и схватив Винта в охапку, я направился в ближайший магазин – решать проблему с едой для себя и для щенка. Не зная гастрономических предпоч-

тений нахлебника, я для начала остановился на супах в пакетиках для него и на сосисках для себя.

Глядя потом на то, как Винт уплетает суп из банки от шпрот, я понял, что посудинка явно маловата, надо бы подыскать побольше. Аппетит у него явно не как у щенка болонки. Впрочем, откуда мне знать, сколько едят болонки?

Прервав свои размышления о «мире животных», я заторопился по своим делам – в кадры пароходства за новым назначением, мысленно видя себя стоящим на палубе огромного лихтеровоза. Но мечтам сбыться было не суждено, хотя в кадрах меня встретили с распростёртыми объятиями.

– Дизелист? – деловито спросил меня кадровик, эдакий сухопутный гриб.

– Дизелист. Но я ещё в отпуске.

– Отпуск? Ерунда, потом догуляешь, – отмахнулся он. – Тут такое дело, понимаешь – на «Пилоте» дизелист заболел. Надо срочно подменить.

– Да я вообще-то на подмену не очень... – протянул я.

– Очень – не очень!.. – рассердился гриб. – Привыкли тут по несколько лет одну палубу топтать. Подумаешь, подмена. Всего какой-то месяц. Ну, два. И всего делов. Короче! Обсуждению не подлежит. Согласен?

– Да уж... Согласен.

– Ну и чудненько, ну и молодец. Вот тебе направление. Иди, знакомься с судном и командой.

– А где сейчас «Пилот»?

– А чёрт его знает. Ищи где-нибудь в Гавани, на отстое.

Огорошенный новым назначением, я даже не поинтересовался, что это за судно. Ладно, на месте разберусь. А сейчас – домой, пока Винт ещё чего-нибудь не натворил. Правильно говорят – не было заботы, купила баба поросё. Что же мне теперь делать? Надо что-то решать с Винтом. Ну ничего, у меня в запасе есть пара дней, что-нибудь придумаю.

Я угрюмо шёл домой и думал. Новое судно, новый экипаж... Проходив несколько рейсов на одном корабле, я полюбил его, стал его частью. Смогу ли я так же полюбить новый корабль? И как встретит новый экипаж?

Эти мысли не давали мне покоя. Но дома бросившийся мне под ноги лохматый шарик, интенсивно вилявший тем отростком, что называется хвостом, быстренько переключил мои мысли на себя. Выгулянный и накормленный, Винт уселся в кресле напротив и уставился мне в глаза, словно поняв, что я думаю о нём. Его взгляд казался мне полным ехидства.

«Ну что, хозяин? – словно бы спрашивал он. – Я теперь не какой-нибудь там сиротинушка, мы с тобой одна семья. Что будешь делать? Ты теперь за меня отвечаешь».

Глядя в глаза Винту, я вдруг понял, что он перестал быть для меня щенком неизвестной породы. Я к нему привязался, я нужен ему. Бросить его на произвол судьбы уже не смогу. Но что же мне делать?

Утопающий хватается за соломинку.

Выход есть! Верочка! Моя лучшая подруга, и, возможно, если когда-нибудь наберусь храбрости, будущая жена.

А почему бы, собственно, и нет? А Винт будет... предсвадебным подарком.

Только надо привести его в порядок... Помыть, расчесать, выдрать из шерсти репы и прочий мусор, чтобы выглядел попрезентабельней.

Странно, но, даже вымытый и расчёсанный, Винт мало походил на болонку. И шерсть какая-то курчавая и жёсткая, как проволока. Да, надо ещё купить поводок и ошейник.

А теперь – вперёд! К Веруньке. Чуть не забыл – цветы! Побродив среди лотков с цветами, я выбрал букет больших жёлтых нарциссов. Откуда я знаю, какие цветы она любит?..

Путь к Вере занял довольно много времени, Надо же было набраться храбрости. Женитьба – дело такое... Да ещё и

с «прицепом». Чего доброго, увидит такой предсвадебный подарок – и на порог не пустит. Ну и вообще страшновато.

Смотри, Винт, на какие жертвы я иду ради твоего... ну, и моего – благополучия. Главное – чтобы Верок была дома. А то придётся ещё торчать в подъезде... Надо было бантик тебе приделать, что ли. Ты бы красиво смотрелся на фоне жёлтых нарциссов.

Вера, в отличие от меня, жила одна в отдельной однокомнатной квартире – а значит, встреча и знакомство с тещей мне в ближайшее время мне не грозит. Я же имел комнату в коммуналке с тремя соседями.

Верок была дома. Она открыла мне дверь – маленькая, глазастая, с усеянным веснушками милым личиком.

– Привет, Верунь! – сказал я, стараясь за искусственным оживлением скрыть свою неловкость. – Это – тебе! – и протянул ей букет.

– Привет... – слегка растерялась она, принимая цветы. – Спасибо... Входи.

И, закрыв дверь, подозрительно спросила:

– А что случилось? Впервые вижу тебя с цветами.

– Э-ээ... – замялся я. – Тут, видишь ли, такое дело... – я вытащил из-за пазухи Винта и опустил его на пол.

Верок восторженно взвизгнула и опустилась на корточки, погладив щенка по голове. Тот немедленно облизал ей руку и закрутил подобием хвоста.

– Вер, я женюсь, – решившись, сказал я, словно ныряя в прорубь.

– Женишься? – Она поднялась, перестав ласкать Винта, и радостное выражение сошло с её лица. – А на ком, если не секрет?

– Да на тебе, на ком же ещё? Сейчас пойдём в ЗАГС и подадим заявление. А это – предсвадебный подарок! – указал я на щенка.

Вера долго молчала. А потом спросила:

– Ну, и какой породы этот... подарок?

– Да вроде как болонка. Верунь, понимаешь, – заторопился я, – меня в рейс посылают, но это ненадолго, на месяц-другой. Мне Винта, ну, его то есть, – я указал на нахлебника, – оставить негде...

– И ты вспомнил обо мне, – язвительно закончила она.

– Ну что ты! Я про тебя никогда не забывал! И... давай собирайся – пойдём подавать заявление.

– Вот так сразу?

– А чего тянуть- то? – удивился я искренне.

...Через два дня в рейс меня провожала не просто знакомая девушка, а будущая жена с Винтом на руках. Я долго махал им рукой, стоя на палубе, и впервые со странным облегчением думал, что теперь-то я точно женюсь...

Рейс затянулся на несколько месяцев. «Пилот» принадлежал к классу «спасателей» – его задача состояла в вытаскивании из всяческих передраг судов всех типов, бороздящих моря. Мы несли круглосуточную вахту, болтались в море, изредка заходя в различные порты, порой попадали в шторма, которые довольно часты на Балтике. Меня не покидали мысли о Верунчике. Я вспоминал наши встречи, наши разговоры, поданное в ЗАГС заявление... Но ведь я обещал ей вернуться через месяц, а прошло уже четыре! Мало ли, какие в её жизни произошли перемены... Ждёт ли она ещё меня? И как там мой Винт – он-то меня не забыл?

Но всё когда-нибудь заканчивается. Подошло к концу и это плавание. В Лиепаве, где мы простояли трое суток на отдыхе, я купил подарков для Веры, не забыв, конечно, и про Винта.

Стоя с набитым подарками чемоданом возле знакомой двери, я с нетерпением нажал кнопку звонка. Внутри меня звенела туго натянутая струнка – радостная и тревож-

ная одновременно. Как-то меня сейчас встретят?

Сначала за дверью раздался рык, а потом Верунькин голос произнёс:

– Минуточку! Только уберу собаку.

Дверь открылась. Увидев меня, Верок тихо ахнула и на мгновение застыла, широко распахнув и без того огромные глаза. Я не давал телеграмму о своём приезде, свалился по привычке, как снег на голову. Моё сердце билось мощными толчками.

В следующее мгновение Вера бросилась мне на шею:

– Бродяга пропащий! Тебя нельзя из дома одного отпускать!

И я понял, что нет у меня никого дороже...

Чуть позже, спохватившись, я спросил:

– Верунь, где там Винт? Смотри, что я ему привёз, – открыл я чемодан. – Это шлейка. Специально для болонок.

– Для болонок? – смеясь, спросила она. – Сейчас я тебе покажу...

Вера скрылась в комнате и через несколько секунд вышла, удерживая за загривок что-то огромное, лохматое и рычащее.

– На вот, любуйся своей болонкой!

Я попятился.

– Это кто? Это... это – Винт? – ошалело спросил я, глядя на косматое, как леший, чудо природы.

– Да, мой дорогой, это он, твой предсвадебный подарок! – всё ещё смеясь, подтвердила Верок. И приказала Винту: – Лежать!

Винт послушно растянулся у её ног и задышал, вывалив полуметровый, как мне показалось, язык.

– А можно его погладить? – осведомился я с опаской.

– Конечно. Да ты не бойся – он только с виду такой грозный, а на самом деле очень ласковый. Он же ещё щенок!

– Думаешь, он ещё не весь... вырос? – ужаснулся я и осторожно потрепал львиную гриву.

Потом я встал, и Веруня снова оказалась в моих объятиях. Меня переполняло блаженство. Ненужная шлейка для болонки упала на пол...

Теперь нас было трое! Спасибо Винту, купленному когда-то мною за бутылку портвейна.

Вот ещё узнать бы, что это за порода.

А может, это и правда болонка, только мутант...

НАСОС

Понедельник – день тяжёлый. Это общепризнано, хотя он, может быть, ничем не лучше и не хуже остальных.

Рабочая смена началась привычно – с нудной тяготины разнарядки и брюзжания начальника цеха Курочкина о том, что никто в цеху не работает, и ему всё приходится делать самому. Словом, всё как всегда. Исключение было сделано для моей бригады, состоящей из двух человек: меня и слесаря Андрюхи.

К нам, как малочисленной бригаде, приставили Филиппыча – не последнее лицо в руководстве цеха. А работа предстояла ответственная – перекачивать солярку из одной цистерны в другую. Сама по себе работа не трудная, но малоприятная, так как после неё нам предстоит благоухать соляркой несколько дней.

К делу приступили с энтузиазмом, рассудив так: раньше кончим – уедем домой. Однако в процессе работы наш энтузиазм быстро стал уменьшаться. Насос весом... впрочем, вес никто не знал точно (но страшно тяжёлый!) нам предстояло погрузить на телегу из металла с очень маленькими колёсами и тащить всё это добро на себе по сугробам и льду чёрт знает куда, так как транспорт надо беречь. Ну да ладно, у нас всегда так: как говорится, круглое таскаем, квадратное катаем. Короче, насос мы погрузили и вдвоём впряглись в телегу. А она под тяжестью этого «дурака» вдавилась в снег и застряла. Тянем-потянем, вытянуть не можем. Усиленно кричим, впрочем, не особенно усердствуя: чай, здоровье своё, а не казённое, да и рабочий день только начался. Едва присели это дело перекурить – подходит Филиппыч:

– Как! Вы ещё здесь?

– Здесь. Застряли. Силов наших не хватает волочь эту железяку, мать её так!

Потоптавшись возле нас и покрутив головой, Филиппыч буркнул:

– Сейчас валенки надену, – и ушёл.

Сидим, курим. Минут через пятнадцать причапал Филиппыч в валенках.

– Ну, впряглись! – бодро предложил он.

Мы впряглись. Филиппыч – лось здоровый, сил у него много. Дёрнули! Да ещё как дёрнули: насос съехал с тележки и – мордой в снег.

– Вот и приехали, – озадаченно проговорил я.

– Ничего, зато сдёрнули с места, – оптимистично заметил Андрюха.

– Да уж, – глубокомысленно сказал Филиппыч. – Теперь надо думать, как эту хрень снова на телегу затащить.

– ...Как-как! Руками! – раздражённо произнёс появившийся незнамо откуда начальник цеха и кратко, но ёмко высказал всё, что думает о нас, о работе и о цехе в целом.

– Руками? Трактор я, что ли? – озлобился Филиппыч.

С сожалением посмотрев на сугроб и свои ботинки, начальник решил подать нам пример своими действиями. Общими усилиями, с кряхтением и матом, насос был водружён на место.

– Ну, потащили, – произнёс Курочкин, впрягаясь.

Телега с насосом сдвинулась и, тараня сугробы, поползла к заданной цели.

– Ну, ещё немного, метров двадцать-тридцать, – ободрил нас Филиппыч.

– Да, совсем немного, – так и родить можно! – прокряхтел я, еле передвигая ноги.

– Ладно, перекур, – смилостивился начальник.

Пока мы перекуривали, он прочёл нам лекцию о химическом производстве и методах работы. Это его излюбленная тема, и мы настолько к ней привыкли, что и не слу-

шаем: лопочет и лопочет... С нетерпением поглядываем на часы: скорей бы обед!

На свою беду, мимо с сосредоточенным видом шёл старший мастер цеха – Василий Васильевич по прозвищу Вася-Вася. При виде того, как он чешет мимо, не обращая на нас никакого внимания, Курочкин встрепенулся:

– Эй, ты!.. (Последовал не очень лестный эпитет.) Иди сюда! Не видишь, что ли – начальник по самое не балуйся в снегу возится, а ты гуляешь, – ты, видишь ли, занят! На объект спешишь? Никуда без тебя объект не денется, незаменимый ты наш. Впрягайся тоже!

– Как бурлак на Волге... – добавил Филиппыч.

Васе-Васе ничего не оставалось, как присоединиться к нашей упряжке. Но вот, наконец, и конечная цель мучений – цистерна с соляркой. Устанавливаем насос и присоединяем шланги. Я взгромождаюсь на цистерну. Именно взгромождаюсь, потому что цистерна покрыта слоем льда, и забраться на неё с противогазом, набором рожковых ключей и монтажной весьма затруднительно. Со скрежетом отворачиваю заржавевшие болты, откидываю крышку: цистерна пуста, но судя по запаху, когда-то в ней действительно была солярка. Увы! Спускаюсь вниз и иду до начальства.

– Николай Петрович! Цистерна пустая, – бодро докладываю я.

– Не может быть! – изумляется Курочкин. – Я проверял по журналу! В ней должно быть шестьдесят кубов солярки! А ну пошли, я сам посмотрю!

Он кое-как влезает на цистерну и заглядывает внутрь.

– Нет... Странно. У меня в журнале же записано! Значит, должна быть. Будем искать.

– Ну, вы ищите, а у нас обед, – говорим мы с Андрюхой и быстренько линяем. Только было уселись, достали свои «тормозки»...

– Глянь! Филиппыч бежит. Ишь, как возбудился, наверно, к нам, – предположил Андрюха.

– Да небось солярка нашлась. Кончился обед...

Подлетает радостный Филиппыч.

– Бросайте есть! Солярка нашлась. Надо перетаскивать насос.

– Ну полный дурдом! Даже пожрать не дают, – завозмущались мы.

– Потом-потом, – торопит Филиппыч. – Насос вам помогут тащить, и я тоже потащу. Только надо скорее.

На ходу засунув в рот по куску хлеба, идём к насосу. Опять впрягаемся и волочим его дальше, в полный голос проклиная всех и всё. Кое-как отволокли к найденной цистерне. Не доверяя уже заверениям руководства вместе с их записями в журнале, лезу проверять сам. И правда – солярка. Но шестьюдесятью кубами тут и не пахнет. Немного солярки виднеется на дне цистерны – тонн десять, не больше. Но, естественно, докладывать руководству о количестве мы не стали. Сказано: «Качать!» – значит, будем качать.

Вытягиваем шланги, подсоединяем их к насосу. Но – увы, шланга до цистерны, в которую нужно скачивать солярку, не хватает. Нужно ещё метров пятнадцать.

– Будем искать, – сказал Филиппыч и убежал.

А у нас появилась возможность пообедать. На поиски шланга ушло больше часа. Ну надо же, сплошной дефицит.

Но вот шланги подсоединены. С недовольным скрежетом заработал насос. По ходу дела выторговываем у Филиппыча сокращённый рабочий день.

– Ладно. Скачаете солярку – и валите домой, – смиловивился он.

Окрылённые, взялись мы за дело. Солярку скачали быстро. И уже в последний раз перекуривали в предвкушении тёплой раздевалки и горячего душа.

Но – увы! – мечты сбываются редко...

На горизонте снова появился быстро семенящий к нам Филиппыч. По мере его приближения наша радость быстро улетучивалась.

– Ща он нас обрадует, – мрачно произнёс Андрюха.

– Да уж, – согласился я, предчувствуя нехорошее. – Придумает какую-нибудь бяку...

– Ну что, орлы, скачали? Молодцы! – обрадованно потёр ладони Филиппыч. – Тут такое дело: сейчас бензовоз придёт, надо его закачать из другой цистерны, я её покажу.

– Какой бензовоз??? Мы же договаривались, что скачаем солярку – и домой! Да и время уже – нам что, ночевать здесь?! – возмутились мы в один голос.

– Ничего, ничего. Бензовоз закачаете – и всё. Сейчас он придёт, ждите.

– Ждём... – пришлось уныло согласиться нам.

...Время приближалось к пяти.

– Ушли пораньше, называется, – ворчал Андрюха, – сейчас уже все домой пойдут...

Наконец появился обещанный бензовоз. Встретив его злобными матюгами, мы с остервенением стали тянуть в него шланг.

– ... Полилась, зараза! – с ненавистью произнёс я.

– Да, ещё минут сорок – и домой.

– Ага, сорок... Если что-нибудь не поломается...

– Не каркай!!! – возмутился Андрюха, с тоской провожая глазами спешащий со смены народ...

ОПУС

С трудом приоткрыв глаза, Кирьяныч попытался сфокусировать их на ползущем по потолку таракане. Но таракан почему-то раздваивался. Кроме того, сильно болела голова.

– Плохо мне, плохо... – простонал Кирьяныч. – А ведь как хорошо было вчера!..

Впрочем, всё началось гораздо раньше. Внезапно, ни с того ни с сего обуянный литературной деятельностью, а также от нечего делать, он сел за стол и накропал опус «Медный всадник на чугуновой лошади». И произошло чудо! Этот опус вдруг заметили, и он стал для Кирьяныча заветным ключом в мир искусства. А надо сказать, что в городе, где проживал новоявленный писатель, имело место быть некое общество, которое раскрывало и вскармливало таланты. О, члены этого общества были в городе знаменитыми людьми! Однако же, пребывая в почёте и ореоле славы, они своим положением не кичились и были довольно доступны в общении.

И вот благодаря своему опусу Кирьяныч был допущен на эту кузницу талантов и предстал перед авторитетной комиссией на смотрины. Членов комиссии, известных людей разных профессий, объединяла высокая и бескорыстная любовь к литературе. Возглавлял это общество Мэтр. Кроме него, в состав комиссии входил представитель кондитерской промышленности Колобок.

Робеющий Кирьяныч предстал перед строгими очами Мэтра и Колобка. Мэтр, прихлёбывая из термоса жидкость тёмного цвета, оглянулся по сторонам своего «будуара», в котором проходили смотрины, и заявил:

– Да, члены нашего политбюро что-то запаздывают. Но я думаю, мы всё-таки начнём. Слово имеет Колобок.

Пожевав губами и подёргав себя за куцую кисточку

усов, Колобок прокашлялся:

– Ну, что я могу сказать по поводу сего молодого человека, как его там... забыл... ах, да – Кирьяныча. В общем-то, неплохо, а главное – достаточно смелая тема для начинающего. Да и сюжет, в целом, развит. А больше всего мне понравилось, как там кислые щи летят из бутылки в потолок. Неплохо, весьма неплохо... Не нудно, по крайней мере...

Тут дверь с треском распахнулась, и в пролом ворвалась, задевая плечами за косяки, двухметровая фигура.

– А вот и Крохотуля! – радостно воскликнул Колобок.

– Господа, я, кажется, чуть опоздал? Пришлось объяснять тут одному... по поводу буддийского выражения «ом».

– Ну и как – объяснил?

– Объяснил. Теперь он сюда вряд ли придёт, хе-хе...

Услышав это, Кирьяныч с тоской подумал: «Куда меня занесло? Куда я попал? Ведь съедят...»

– Да, вот так, – продолжал Крохотуля, пристально взорвшись на новенького. – А кого вы тут собрались вводить в наши ряды? – спросил он у Мэтра с Колобком, продолжая разглядывать гостя.

– Меня... – чуть слышно проблеял Кирьяныч.

– А что у вас?

– У меня... монументальное творение – опус...

– Опус? Опус – это долго. А что скажут остальные члены высокой комиссии?

Вновь отхлебнув из термоса подозрительной жидкости, Мэтр прочистил горло и заявил:

– Мы тут посоветовались, и я решил: надо принять.

– Одобряю. Принять – это хорошо, – произнёс Колобок, с вожделием глядя на авоську Крохотули, которую тот не выпускал из рук.

– Кого сегодня избивать будем?

– Не знаю. Есть, правда, две кандидатуры – слишком

деловые. Может, их.

При этом Колобок почему-то посмотрел на Кирьяныча. Кирьянычу стало тоскливо. «Ну вот, начинается», – с грустью подумал он.

– Ну ладно, пошли в зал заседаний, – произнёс Мэтр.

Шаркающей походкой, цепляясь ногой за ногу, Кирьяныч вошёл в зал заседаний и скромно приткнулся в уголке.

Избие... заседание проходило бурно. Выступающих было много. Причём тема у всех докладчиков была одна: поэзия и её разновидности. Ничего не понимающий в поэзии Кирьяныч слушал с большим вниманием и интересом. Заодно он рассматривал лица присутствующих в зале. Все они, за исключением «политбюро», были ему незнакомы.

Слушая выступающих, он думал: «Ну, что? Это тебе, брат Кирьяныч, не гайки крутить. Это – искусство, причём высочайшее. Так что приучайся к возвышенному, пока не турнули под зад мешалкой».

И Кирьяныч во всю широту своей души начал погружаться в литературу и бурную литературную жизнь. «Какие люди! – думал он с восторгом. – Какие утончённые у них чувства! Какие возвышенные мысли!»

...Постепенно он со всеми перезнакомился и, видя, что его не клюют, начал – сначала с оглядкой, а потом всё более смело – принимать и своё участие в жизни литературного общества. Ни бельмеса не понимающий в стихах, на поэтов Кирьяныч смотрел с завистью и почтением: какие матёрые талантища его окружали!

«Вот бы и мне так – сесть и накропать», – мечтал он.

Но кропать ему было некогда: он был весьма занят навалившимися на него впечатлениями, стараясь не пропускать ни одного заседания.

Как-то раз на одном из заседаний он увидел среди

присутствующих новое лицо. Оно принадлежало длинноволосой и длинноногой представительнице прекрасного пола, – и чуть ли не половину этого лица занимали глаза.

– Кто это? – спросил Кирьяныч остолбенело.

– Мамзель. Ты с ней поакkuratней, – предупредил его Крохотуля.

– А, чего там! – независимо отозвался Кирьяныч и защёлкал глазами в сторону Мамзель. А потом, облизываясь, как кот на воробья, направился к свободному месту рядом с ней. Правда, с одной стороны от неё уже прочно сидел Колобок, но Кирьяныч подошёл и беспардонно плюхнулся на стул по другую сторону от Мамзель.

От такой наглости у Колобка усы съехали на сторону.

– Сейчас придёт Есаул – покажет тебе козью рожу, – пробурчал он.

– Есаул? Это интересно, я его ещё не видел. Откуда это в нашем-то захолустье такие кадры?

– Оттуда! Он, между прочим, считается авторитетным казаком...

Но в этот день познакомиться с грозным Есаулом Кирьянычу так и не довелось, и ещё некоторое время их пути не пересекались.

А перед собравшимися тем временем выступал сапёр-подрывник со стажем, читавший познавательную лекцию о разминировании всяких взрывающихся штук. Из этой лекции Кирьяныч узнал много для себя полезного и интересного. В то же время он вспоминал, как в далёком детстве при помощи обычного молотка и напильника раздолбал несколько железяк, оставшихся со времён войны – даже не зная, что эта хреновина и та загогулина назывались взрывателем и детонатором... Слушая лекцию, Кирьяныч с сожалением подумал: «Эту бы премудрость – да лет на двадцать пять пораньше, – таких дел можно было бы наворочать!»

...Постепенно Кирьяныч набирался ума-разума. По крайней мере, стал разбираться в том, как не надо писать. По-прежнему аккуратно он посещал все заседания, – тем более, что на них постоянно присутствовала Мамзель.

И вот в его жизни произошло знаменательное событие. После очередного заседания Мэтр, как всегда, потягивая из термоса подозрительную жидкость, объявил:

– Граждане присутствующие! Нашему обществу выпала великая честь. Мы приглашены в уездный город У. на симпозиум по обмену опытом. Надо выбрать состав делегации, в которую войдут все желающие. Желающих определим тайным голосованием...

Кирьяныч эдакой клизмой без мыла втёрся в состав делегации и покатил на самый настоящий симпозиум.

Во главе делегации стоял Колобок. На симпозиум собрались местные поэты и писатели, а само действие, собственно говоря, было посвящено презентации их книг.

Какие только дифирамбы тут не пелись, какие торжественные речи не произносились! На бесхитростного Кирьяныча это произвело огромное впечатление: он даже глаза закрыл в мечте о том дне, когда такие же хвалебные слова будут произносить и в его честь. Он уже представлял, какой фурор произведут его (пусть ещё ненаписанные) творения!

Впрочем, в смысл хвалебных речей Кирьяныч вслушивался не очень внимательно, занятый куда более важным делом: он устроился рядом с Мамзель и вскоре перешёл к действиям, пытаясь покорить её своими любовными чарами.

Колобок сзади с ненавистью бурчал ему в спину:

– Вот сволочь... А я-то, я-то! Пригрел ехидну на своей груди... Эх, жаль, Есаула нет. Впрочем, его официальная часть никогда не интересовала, авось, появится к раздаче слонов...

Торжественная часть прискучила уже всем, в зале зевали, дремали, сквозь сон прислушиваясь к говорящим, ожи-

дая того, что последует потом – праздничного банкета... И только Кирьяныч сквозь возню с Мамзель и бухтенье Колобка пытался ещё уловить суть происходящего на сцене.

А на сцене тем временем появился очередной говорун, точнее – говорунья. И это оказалось до того неожиданным, что Кирьяныч бросил теребить Мамзель и уставился на незнакомку.

– Ух ты! Русалка! – воскликнул он. («Ого, она ещё и стихи читает. Это уже совсем интересно!»)

Набравшись опыта ухом он стал вслушиваться в вирши Русалки. Но пока та читала, ему вдруг вспомнилась соседская собака, которая по вечерам иной раз очень похоже завывала – то ли от голода, то ли от скуки. «А может, это от того, что у русалок организм устроен по-другому? – думал Кирьяныч. – Надо с ней поближе познакомиться. Всё-таки – Русалка, не хухры-мухры...» Но в то же время – Мамзель рядом, ей тоже хочется уделить внимание... Мысли Кирьяныча стали путаться. Скорей бы закончилась эта тягомотина...

Но вот официальная часть закончилась, и все гуськом потянулись к банкетным столам. Умирая от скромности, каждый старался занять место поближе к бутылкам. Людской водоворот захватил Кирьяныча и повлёк за собой. Как тот ни старался, но в людской толпе Русалку потерял, однако оказался за одним столом с Колобком и Мамзель. От изобилия, царившего на столе, разбегались глаза. Здесь было, где развернуться. Мамзель рядом. Хорошо! Ещё бы Русалку найти...

Вдруг сквозь звон стекла и стуканье вилок по тарелкам послышался ритмичный металлический звон.

– Ага! – злорадно воскликнул Колобок. – Всё, Кирьяныч. Амбец тебе. Есаул пришёл.

Дверь в банкетный зал распахнулась. Строевым шагом, позвякивая шпорами, к столам прошествовал Есаул. За ним по полу волочилась уздечка.

– О, я, как всегда, вовремя! – радостно заметил он.

– Есаул, сюда! Я тебе тут место занял! – позвал Колобок, ехидно глянув на Кирьяныча.

Встреча с Есаулом не сулила ничего хорошего. По мере приближения грозного казака взгляд Кирьяныча стекленел, что придавало ему задумчивый вид. Автору опуса стало не до Мамзель. Он постепенно начал сползать со стула под стол. И, сидя там на чьей-то скатившейся туда кожаной шапке, Кирьяныч, пригорюнившись, стал прислушиваться к тому, что творится вокруг. Но сквозь смех и чужие реплики ему было плохо слышно, и он стал потихоньку вылезать из своего убежища, держа в руках сплюснутую шапку. Смирно усевшись на место, он внимательно взглянул на то, что держал в руках. Это была шапка Колобка. От испуга Кирьяныч не придумал ничего лучшего, как подсунуть её под себя на стул, пока хозяин не заметил, а то опять неприятности будут.

Бросив настороженный взгляд в сторону Есаула и Колобка, Кирьяныч вздохнул с облегчением. Есаул, время от времени поигрывая шёлковой плёткой, отпускал Мамзель дубовые комплименты. Колобок, начавший было жаловаться Есаулу на судьбу, вскоре умолк, видя, чем тот занимается. Усы у него встали дыбом, он потерял дар речи и только челюстями щёлкал от возмущения.

«Эвон как его заклинило!» – позлорадствовал Кирьяныч. Но в этот момент у Колобка прорезался голос, и он заговорил с горечью:

– И ты, б... Брут!... А я-то ждал тебя, так ждал! А ты, ты... Одно слово – предатель.

– Мне бы саблю, да коня, да на линию огня!

А дворцовые интриги – енто всё не про меня,* – мечтательно произнёс Есаул.

* Стихи Леонида Филатова

Обретя в лице Есаула неожиданную поддержку, Кирьяныч вновь почувствовал вкус к жизни и стал заинтересованно смотреть по сторонам. Народ постепенно расходился, и возле столов остались самые избранные. Потягивая из бокала коньяк, Кирьяныч вслушался в беседу Есаула с Мамзель.

– Мамзель! Пойдём ко мне, – предлагал тот.

– А зачем?

– Как зачем?! У меня дома есть фамильная реликвия. Папаха, в трёх местах простреленная. Мой дед в ней с Перекопа до самого Новороссийска драпал. Я тебе её дам поддержать. И даже померить разрешу.

– Ладно, – решила Мамзель. – Пошли, но только ненадолго.

Боясь, как бы она не передумала, Есаул схватил Мамзель за руку и потянул к выходу.

Колобок тоскливо проводил их взглядом и пробурчал:

– Подумаешь, папаха! У меня дома есть стропа от парашюта – я же не предлагаю её примерить?..

В это время Кирьяныч увидел Русалку и замахал ей рукой. Подошедшая Русалка уселась между ним и Колобком. Глядя на такое соседство, Колобок оживился. Но, никак не отреагировав на комплимент, брошенный им, Русалка завела разговор с Кирьянычем:

– Ну, и как вам понравились выступления?

Было понятно, что Русалку интересовало мнение лишь о её выступлении, о книге, которую она написала. Кирьяныч же помнил это смутно. В его затуманенном сознании мелькали какие-то гномы, драконы, ведьмы и прочая нечисть, о которой он имел весьма смутное представление. Тем более, что он был больше занят разглядыванием Русалки, пытаясь определить, есть ли у неё хвост.

– Э-э... да уж... – промямлил Кирьяныч, не зная, что сказать. – А почему вы решили написать именно повесть? У

вас ведь стихи такие интересные.

– Ну-у, стихи. Стихи – это в прошлом, я их уже переросла. Я чувствую, что уже созрела для того, чтобы писать прозу: романы, повести – главным образом, фэнтэзи. А кстати, не желаете ли приобрести мою книгу?

– Да нет, спасибо за предложение, но я не очень-то люблю читать про нечистую силу. Нет, я ничего не имею против русалок – но только реальных...

Обиженная Русалка надула губы.

– Ну что ты, что ты? – испуганно заговорил Кирьяныч, боясь, что Русалка встанет и уйдёт. – Я не очень-то разбираюсь в жанре фэнтэзи. Давай мы лучше с тобой выпьем, так сказать, на брудершафт?

– Нет, со мной, со мной! – завопил Колобок, показывая Кирьянычу кулак.

– Ах, да. С нами, – с усилием произнёс Кирьяныч.

– Со мной первым, и три раза – с поцелуями, как положено! – заявил Колобок.

Чтобы не видеть эту сцену, Кирьяныч закрыл глаза. А когда открыл, Русалка уже исчезла. Оглядев опустевшие столы, он констатировал:

– Ну вот, всё выпито и съедено. Банкет окончен, можно двигать к дому.

– А где моя кожаная шапка? – спохватился Колобок.

Кирьяныч сделал невинное лицо и незаметно бросил искомое на соседний стул.

Обернувшись, обрадованный Колобок увидел пропажу и стал пристраивать её на голову. Но шапка потеряла изначальную форму и никак не хотела сидеть на макушке: превратившись в блин, она от малейшего сотрясения пыталась съехать то на уши, то на нос Колобку. Придерживая изуродованную шапку рукой, Колобок рванул к выходу. Вслед за ним, проверяя взглядом – не осталось ли ещё чего-нибудь на сто-

лах, к выходу потянулись Кирьяныч и Крохотуля.

Как Кирьяныч добрался до дома, он помнил смутно. Но главное – добрался.

И вот наступило утро, и надо было вставать. Хотя бы для того, чтобы выпить рассолу. Средство испытанное, помогает.

Огуречный рассол несколько оживил Кирьяныча, воспоминания о вчерашней попойк... о симпозиуме начали приобретать ясность. Он даже вспомнил разговор с Русалкой.

– Подумаешь, переросла она поэзию! Прозу ей подавай! А я, может быть, прозу перерос, и меня потянуло стихи писать! Да что там стихи? – написать уж, так сразу поэму. Страниц на сто! А собственно, почему бы и нет? Чем я хуже Русалки? О, это будет мой очередной шедевр!

Кирьяныч схватил авторучку и на огрызке бумаги трясущейся – то ли с похмелья, то ли от возбуждения – рукой накропал начало будущей гениальной поэмы:

По стеклу ползёт мухá,
Щёлкая крылами!
А за ней ползёт другá,
Шевеля мозгами!..

Содержание

С половником наперевес (повесть)

«Новобранцы идут на войну»	3
Перемены	6
Баня	8
Присяга	9
Начало пути	11
Касты и посвящение	14
Манёвры	16
Будни	21
Лопарёк	24
Самоволка	28
«Война»	31
Дембеля	35
Эпилог	37

Рассказы

Амазонка	38
Винт	42
Насос	50
Опус	55

Сергей Барткевич
С половником наперевес

Компьютерная вёрстка, корректура, оформление –

Александр Топчий

Обложка – Елена Барткевич, Александр Топчий

Подписано в печать

Заказ №90

Тираж договорной

Отпечатано в типографии «Альтернатива»

Тульская обл., г.Новомосковск,

ул.Коммунистическая, 23